
Огонёк
№ 44
1944 год
КРЫЛОВУ
1855

Фронт и тыл

Три семьи советских патриотов на одном из участков фронта. Справа налево: ассистент знаменосца полка сержант И. А. Кажаев и его отец, знаменосец полка сержант А. Е. Кажаев; санитарка Н-ского госпиталя красноармеец А. С. Байкова и её отец, работник этого же госпиталя красноармеец С. Д. Байков; старшина батареи Я. В. Маслюк и его сын, командир орудия сержант В. Я. Маслюк.

Токарь-стахановец Барнаульского вагонно-ремонтного завода В. П. Бородин заслуженно считается лучшим производственником на заводе. Он ежедневно выполняет задание на 500—700%.

Герой Советского Союза гвардии капитан Сергей Суворов. Батарея, которой он командует, уничтожила в боях 23 немецких танка. До войны тов. Суворов работал токарем на одном из московских заводов.

Медицинская сестра сержант Валентина Лызлова. Вынесла с поля боя 180 раненых бойцов и офицеров. Будучи ранена, она не покинула своего поста. Сержант Лызлова награждена орденом Славы III степени.

В ознаменование 25-летия со дня смерти легендарного полководца Василия Ивановича Чапаева трудящиеся города Чапаевка, Куйбышевской области, построили на свои средства 13 самолётов. Боевые машины переданы Н-ской части Первого Белорусского фронта. На снимке: самолёты «Чапаевцы».

Колхозницы Полина Лемешко и Лидия Шалыгина приехали из Одесской области на восстановление угольного Донбасса. Сейчас они лучшие лебёдчицы шахты № 13 треста «Куйбышевуголь».

На первой странице обложки: памятник великому баснописцу И. А. Крылову в Летнем саду в Ленинграде.

Фото В. Федосеева. (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

22-й год издания

Огонёк

№ 44 (911)

1944 год

ПРАЗДНИК РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Торжественное заседание в Большом театре Союза ССР, посвящённое 100-летию со дня смерти великого русского баснописца И. А. Крылова.

Фото С. Гурарий

Во дни, когда на бой святой и правый
Покрытые немеркнущею славой
Идут полки дорогой боевой,
Мы чтим Крылова подвиг величавый,
И ум его насмешливо-лукавый,
И русский ясный слог его живой.
Того, что сердцу дорого и мило,
От взгляда пыль забвенья не укрыла,
Не разменяла память на гроши.
Таланта чудодейственная сила
В крыловских притчах сказочных явила
Все свойства русской золотой души.

Осмеяны в его чудесных баснях
И деспот, притесняющий несчастных,
И лихоимец, и подлец, и враль.
Сквозит в его иносказаньях ясных
Нагая правда выводов опасных,
Прямая, беспощадная мораль.
Враг раболепства, косности и лени,
Он не склонял пред сильными колени
И славы, как подачки, не желал.
Он, в даль веков, на много поколений
Сердца людские дерзостью стремлений
К добру, к свободе, к правде окрылял.

Народа мудрость, древняя, седая,
Душа народа, вечно молодая,
В его простом стихе воплощена.
И ныне, силы мрака побеждая,
Свободу, разум в битвах утверждая,
Чтит славного Советская страна,
Слова великого из рода в род
Передаёт сынам своим народ.

Алексей СУРКОВ

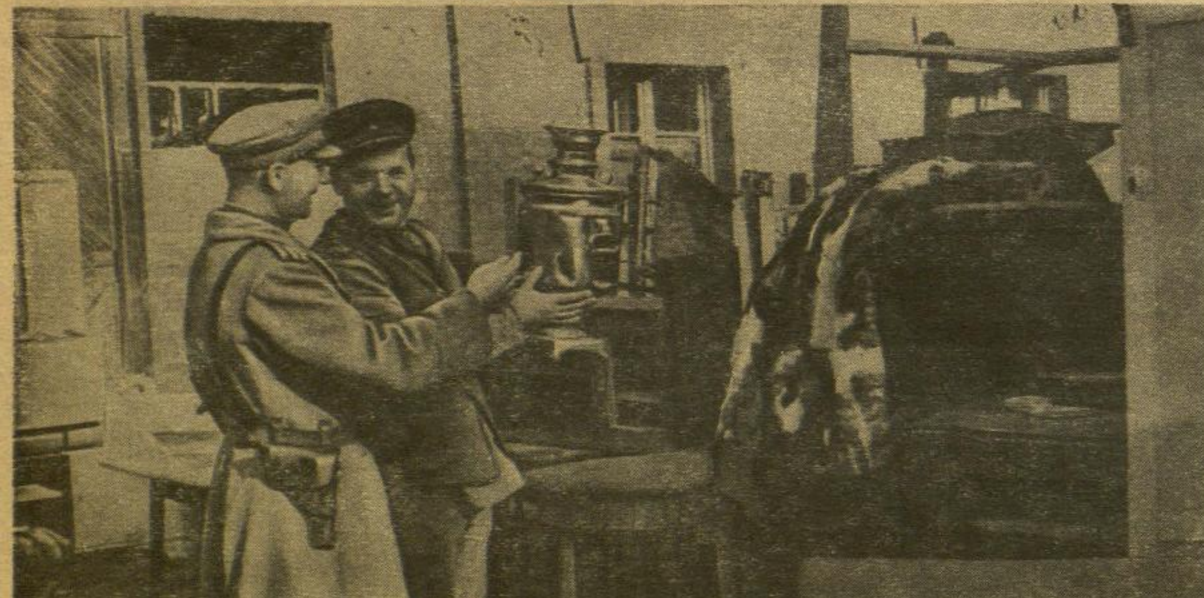

В ЛОГОВЕ ВРАГА

Красная Армия на территории Восточной Пруссии

Фото М. Редкина

Враг выбит из города. Бойцы во главе со старшим лейтенантом Березиным водружают победный флаг на балконе немецкого дома (снимок вверху, слева).

Группа советских воинов, одними из первых вступивших на немецкую землю. Слева направо: гвардии старший сержант В. Затылкин — русский, гвардии младший сержант А. Нишанбаев — казах, ефрейтор И. Адулханов — дагестанский горец, сержант И. Исенбаев — казах, старшина И. Тамберидзе — грузин (снимок вверху, справа).

Немцы поспешно бежали из своих домов, бросили всё имущество и вещи. Немало награбленного из разных районов Советского Союза оказалось здесь. В одной из квартир наши воины нашли: мебель из Ростова, самовар, украденный в Смоленске, русскую шубу на меху (снимок слева).

В нескольких километрах от передовой бойцы-железнодорожники уже занялись восстановлением пути и перешивкой колеи (снимок справа).

В одном из немецких городов наши части освободили группу детей, угнанных гитлеровцами из Ленинградской области. Советские воины окружили детей лаской и вниманием, накормили, одели и отправили их на родину (снимок внизу, справа).

ПРИЕМ И. В. СТАЛИНЫМ ДЕЛЕГАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВАРШАВЫ. 15 ноября Председатель Совнаркома СССР И. В. Сталин принял делегацию города Варшавы в составе Президента Варшавы М. Спыхальского и представителей Рады Народовой Варшавы В. Цудны, В. Мальчинского, И. Ковальской. Делегация вручила И. В. Сталину от населения Варшавы в знак благодарности Советскому Правительству за помощь, оказанную им польскому народу, символический дар — бронзовый герб Польши. На снимке: слева направо — В. М. Молотов, И. В. Сталин, В. И. Павлович, И. Ковальская, В. Мальчинский, В. Цудны, М. Спыхальский. Фото С. Гурарий

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

В. Барыкин

1 декабря 1944 года

ТЕГЕРАНСКИЕ РЕШЕНИЯ — В ДЕЙСТВИИ

1 декабря исполнился ровно год, как из Тегерана на весь мир прозвучали слова руководителей трёх великих держав — Сталина, Рузвельта, Черчилля:

«Мы согласовали наши планы уничтожения германских вооружённых сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга. Взаимопонимание, достигнутое здесь, гарантирует нам победу».

Военные действия на востоке, западе и юге развивались в истекшем году по планам, выработанным на Тегеранской конференции. Руководимая Верховным Главнокомандующим Маршалом Советского Союза товарищем Сталиным, Красная Армия нанесла 10 сокрушительных ударов по немецким войскам и одержала победы, которым рукоплещет весь мир. Красная Армия разбила и вывела из строя до 120 дивизий немцев и их союзников, вышвырнула врага из пределов советской земли и перенесла военные действия на территорию Германии. Непрерывными ударами по врагу Красная Армия вышибла из гитлеровского блока Финляндию, Румынию, Болгарию. Сейчас, в эти исторические дни, советские войска борются за освобождение Польши, Югославии, Чехословакии, ведут бои на венгерской земле.

Выполняя решения Тегеранской конференции о совместных ударах по Германии с запада, востока и юга, союзные войска вторглись во Францию, освободили почти всю Францию, Бельгию, Люксембург и часть Голландии и ведут бои на германской земле. Гитлеровская Германия зажата в тисках между двумя фронтами. Объединённые нации стоят перед победоносным завершением войны. «Красная Армия и армии наших союзников заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Задача сейчас состоит в том, чтобы стремительным натиском армий Объединённых наций в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию» (И. Сталин).

В ГЛУБЬ ВЕНГРИИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

Войска 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов продолжали вести наступательные бои в Чехословакии и Венгрии.

26 ноября войска 4-го Украинского фронта овладели на территории союзной нам Чехословакии городами Михальовце и Гуменне — важными узлами коммуникаций и опорными пунктами обороны противника.

Войска 3-го Украинского фронта, перейдя в наступление, форсировали Дунай севернее реки Драва, прорвали оборону противника на западном берегу Дуная и, продвинувшись в глубину до 40 километров, расширили прорыв до 150 километров по фронту, овладели городами Печ, Батажек, Мохач.

30 ноября войска 2-го Украинского фронта, продолжая наступление, овладели окружными центрами Венгрии — городами Эгер и Сиксо — крупными узлами коммуникаций и важными опорными пунктами обороны противника.

Оценивая наступление украинских фронтов, военный обозреватель агентства Рейтер приходит к выводу: «Наступление войск маршала Малиновского и генерала Петрова в Венгрии и Словакии приобретает определённую форму. Это совместное наступление имеет значение величайшей битвы на окружение». Эта битва разгорается с каждым днём. Немцы напрягают все силы, чтобы отстоять свои позиции в Венгрии, но Красная Армия неудержимо идёт вперёд, готовя немецким войскам новые «котлы». Вновь гитлеровским военным обозревателям приходится говорить об «укорачивании линии фронта».

Военный обозреватель гитлеровского агентства Трансоцеан Ольберг сообщает своим читателям о том, что «в Восточной Словакии германо-венгерские войска несколько отодвинули свои позиции...» Другой немецкий военный обозреватель, Галленслебен, врёт более изящно: «Немцы осуществляют операции в целях сокращения линии фронта».

Столица Венгрии Будапешт находится под ударами советских войск, готовых выполнить приказ своего Верховного Главнокомандующего и в ближайшее время вывести из строя последнюю союзницу Германии в Европе.

БОИ НА ЗАПАДЕ

Угроза, что англо-американские войска, сражающиеся на фронте свыше 600 километров, прорвут «линию Зигфрида», вызвала панику в фашистской Германии. Гаулейтеры заговорили о массовой эвакуации германских жизненных центров.

Германское командование не имеет теперь возможности перебрасывать свои войска с запада на восток, как это было раньше, до открытия второго фронта. Людские резервы Германии на исходе. Неслучайно, что за последнее время в плен попадаются солдаты и офицеры из различных специальных военных школ, авиационных частей, кораблей военно-морского флота, срочно превращённые в пехоту и брошенные на фронт.

29 ноября лондонское радио передало два сообщения, характеризующих положение в фашистском логове в связи с победоносными боями союзных войск у «западных ворот» Германии.

Сообщение первое. Эссенский гаулейтер отдал распоряжение о принудительной эвакуации населения. До сих пор эвакуация жителей была добровольной.

Сообщение второе. Баден объявлен военной зоной. Начата эвакуация гражданского населения. Первыми беженцами оказались партийные чиновники, которые во всех баденских городах реквизировали автомашины для себя и своих семей...

Американский военный эксперт Ричардсон утверждает, что генерал Эйзенхауэр бросил в бой 7 из 8 имеющихся в его распоряжении армий, причём лишь половина наличного состава каждой армии участвует в сражениях. Таким образом, союзники располагают огромными резервами, которые в нужный момент будут двинуты против противника. Совершенно иначе обстоит дело у немцев, где Рундштедт двинул против 1-й и 9-й американских армий и 2-й британской армии главные силы своих пехотных и бронетанковых частей. Когда эти части будут разбиты, ему придётся снять войска с других фронтов, чтобы защитить Рурский бассейн.

Недостаток людских резервов на западе признаёт и германское командование. Недавно генерал Дитмар прямо заявил: «Мы можем признать, что командование союзнических армий целесообразно использовало имеющееся в его распоряжении превосходство сил и приступило к операциям, отличающимся даже явной смелостью».

Конец ноября ознаменовался на западе ожесточёнными боями на северном участке фронта. Три союзные армии, находящиеся на севере, концентрируются, чтобы обеспечить себе господство в долине реки Роэр. Они готовятся форсировать этот водный рубеж, чтобы сломать здесь основной оборонительный барьер немцев до Рейна. Совпавшее во времени с операциями в Лотарингии наступление американских и французских моторизованных сил южнее Вогезов, вдоль швейцарской границы, в районе Мюльгаузена, а затем из Саарбурга через Саверискую лощину до Страсбурга, по словам генерала Дитмара, явилось для немцев «абсолютно нежелательным обострением ситуации и тяжёлой потери ценной территории».

Теперь не немцы, а союзники выбирают место для направления предстоящих ударов. Не случайно одна из гитлеровских фронтовых газет плачется: «Военные события на Западе оказались для нас тяжким испытанием. Натиск врага заставляет нас вести маневренную войну и жертвовать территорией, чтобы в результате этой маневренности создавать связанные друг с другом новые фронты».

Но и это теперь зависит не от немцев. Как указал товарищ Сталин: «Логово фашистского зверя обложено со всех сторон, и никакие ухищрения врага не спасут его от неминуемого полного разгрома».

НА ПЕРЕВАЛЕ

А. Ростков

(Из записок военного корреспондента)

Карпаты очень красивы осенью: багряно-золотистые лиственные леса резко оттеняют синеву сосновых шапок гор. И надо всем этим голубая эмаль низкого неба, по которому проплывают громады белых облаков.

Такими я увидел Карпаты с вершины хребта Словение. Впереди, надо мной, насколько хватает глаз, лежали большие и малые горы. Отвоёванные у врага селения и узкие полоски полей казались крошечными макетами.

Было холодно, дул резкий, пронизывающий ветер. На бруствере окопа отдыхали красноармейцы, только что поднявшиеся на высоту. У столба с надписью «Спуск — 2000 метров. Крутые повороты» с флажком в озябших руках стояла девушка-регулировщица. Она притопывала, стараясь согреться, и напевала какую-то задорную песенку.

Возле высокого старого дуба виднелся маленький холмик из свежей земли, украшенный полевыми цветами. Здесь похоронены старшие сержанты Александр Мищенко и Пётр Скопцов. Они дрались за эту гору и пали на ней смертью храбрых. Скромная могила молчаливо напоминает живым о доблести русских пехотинцев. На эту гору даже в обычных условиях трудно взобраться. А здесь нужно было под свинцовым ливнем карабкаться вверх, выбивать врага из каждой щели. Овладеть такою высотой — не значит ли это овладеть мощной крепостью? А ведь таких крепостей в Карпатах тысячи, и большинство из них взято нашими пехотинцами с боя.

Недалеко от Керешмэзе расположена гора высотой более 2 тысяч метров. Советские воины сражались за неё два дня. Несколько раз она переходила из рук в руки. Исход боя решила «карманная артиллерия» — гранаты. Это грозное оружие в руках наших пехотинцев заставило противника оставить вершину горы.

...Спустившись с хребта, мы направились к так называемому Русскому перевалу. Ехать пришлось медленно. По дороге нескончаемым потоком двигались войска. Колонны машин сменялись повозками, тянулись большие и малые орудия, грохотали тракторы и танки. В долине грязь не успевала просыхать из-за движения, которое не прекращалось ни днём, ни ночью.

Между машинами и повозками шли пехотинцы. Усталые лица, порыжевшие от дождей и солнца гимнастёрки. Им тяжело идти, но они не останавливаются. Медленно, уверенно, спокойно пехотинцы продвигаются вперёд. Вот они вытаскивают из кювета машину, раскачивают её и громко дружно выдыхают: «Раз и два». В другом месте группа пехотинцев помогает тащить в гору пушку.

Это люди с далёкого Урала, из Сибири, из Полтавщины и Буковины, с Волги. Они прошли тысячи километров в зной и стужу.

Когда наша машина спускалась в следующую долину, наступил вечер. Горы как-то сразу потемнели, и их очертания слились с тёмным фоном неба. У опушки леса пехотинцы торопливо копали землю и таскали ветки, готовясь к ночлегу.

В долине, в небольшом горном селении, слышалась музыка. Пел хор, доносились звуки баяна. В тесном помещении местной школы ансамбль пехотной части давал очередной концерт. С трудом мы протиснулись в «зал». Единственная лампочка от аккумулятора тускло освещала комнату. Здесь сидели офицеры из штаба и бойцы с винтовками и гранатами. Все, кто не мог поместиться в комнате, расположились возле дома на траве слушать музыку.

Такой концерт запоминается на всю жизнь. Было в нём что-то чрезвычайно задушевное, искреннее, большое. Все выступавшие прошли трудный путь. Сержанты Холявко и Костюченко и красноармеец Алкеев, которые только недавно принимали участие в сражениях, мастерски сплясали танец «Весёлые шахматисты»; Пётр Суковицын хорошо спел шотландскую «Застольную»; красноармеец Волгин исполнил на баяне «Чардаш», а потом бойцы хором спели песню о Карпатах, слова и музыка которой родились здесь, в горах; музыку написал боец Волгин. Внимательно слушали все «Балладу о пехотной гордости», исполненную рядовым Бывальцевым. Казалось, он не только пережил всё, о чём говорилось в балладе, но и сам написал её. И, когда он любовно читает строки:

«Матушка наша землица
От пули спасает нас», —

вспоминаются те пехотинцы, которые рыли землю, готовясь к ночлегу. И невольно думаешь, какими крепкими узами дружбы и нежной любви связаны они — земля наша и её сыновья.

...Утром я приехал на наблюдательный пункт пехотной части. Немцы начали очередную контратаку. Сосны вздрагивали от взрывов. В этот момент на пункт пришёл сержант Мадалин Саитов, крепкий, стройный узбек из Кара-Калпакии. Подполковник Блёсткин вручил ему орден «Славы».

Мадалин Саитов — один из тех пехотинцев, которые проложили войскам труднейшую дорогу через Карпаты. До Карпат он прошёл тысячи километров, участвовал в десятках атак, не раз пролил кровь за родную землю. И вот теперь, когда немцы никак не хотели уходить с одной высоты, Саитов и украинец Иван Кошмак решили подползти к немецкой роте и выбить её оттуда. Ползли они долго по ущелью, по мокрой, росистой траве, по колючим зарослям. И подползли совсем с другой стороны, откуда их никак не ждали. Немцев было больше ста, а их только двое; но Саитов решил атаковать врага гранатами. От неожиданности немцы побежали. Минута замешательства принесла победу. Дело завершил автомат. А когда вышли все патроны и не осталось ни одной гранаты, Саитов, увидев немецкого офицера с пистолетом, наставил на него автомат с пустым диском. Офицер поднял руки.

В КАРПАТАХ. Пулемётчик-партизан М. В. Калаур уже приготовился встретить отходящих немцев свинцовым огнём. Более 350 гитлеровцев уничтожил пулемётчик Калаур

Фото И. Коллв

Так Саитов очистил одну из высот на Карпатах, по которой должен был пройти наш батальон.

За этот подвиг подполковник Блёсткин вручил Саитову орден «Славы».

Вот наконец мы на Русском перевале. Справа и слева от его самой высокой точки проходит граница с Чехословакией. Вдали, в глубокой долине, горело село, в стороне от него, над небольшими высотами, вспыхивали и, описав огненную дугу, падали красные ракеты. Там шёл бой. Гул орудий, особенно громкий в горах, не умолкал. Расположившись на перевале, пехотинцы зажгли костры.

— Высоконько мы забрались, — послышался голос в темноте.

— Солдаты Суворова выше забирались,— отозвался кто-то рядом.

— А нам, может быть, труднее, чем Суворову,— сказал сердито третий и, помолчав, продолжал.— Да, труднее. Хоть они в Альпах и выше были! Да что им: ружьишко на плечо да и пополз, а нам пушки надо тащить, миномёты. Смотри, вон за горку дерутся: невысока она, а поди возьми с ружьишком-то — сколько огня нужно, чтобы из земли немчуру выковырнуть. А потом, когда возьмёшь,— не зевай, снаряды успей подтащить, а то ведь с горки-то с этой и назад могут спихнуть.

Говоривший солдат курил. Его русское лицо освещалось небольшими языками пламени от костра. Закончил он тепло, с грустью, видимо, вспомнил о родине и семье:

— А сколько мы таких горок прошли? Много, со счёта, пожалуй собьёшься. А сколько ещё надо пройти? — обратился он к невидимому собеседнику.—Посчитай-ка, сколько ещё горок-то будет до Берлина? Но мы дойдём!

И, как бы отвечая на слова солдата, оглушительно ударила батарея, стоявшая рядом; потом к ней присоединилась другая. Лавина огня обрушилась с перевала на врага. И этот мощный голос тяжёлых орудий был лучшим ответом на разговор у костра.

Солдаты стали устраиваться на ночлег. В наступившей тишине мне припомнились слова из баллады, которую читал на самодеятельном концерте красноармеец Бывальцев из Новосибирска:

«Дороги российской славы
Прошёл пехотный солдат.
К Бородину от Полтавы,
Из-под Москвы в Сталинград.

Под ливнями рваной стали
Мы видели смерть не раз.
В лесу, в лощине узкой
Сквозь воды, огонь и ад
Прошёл с винтовкою русской
Советский герой — солдат».

Прошёл он, русский солдат, и синие Карпаты, которые ещё ничьё войско не проходило. Это подвиг не отдельных героев, а великая отвага тысяч советских воинов. Этим подвигом они заслужили восхищение народа и вечную славу.

БАРРИКАДА НА ПУЛАВСКОЙ

Эльжбета Шемплиньская

(Глава из романа «На Варшавском фронте» о героической обороне Варшавы в сентябре 1939 года).

Рисунки Е. Хомзе

Варшава обороняется! Варшава не будет сдана немцам без боя! Эта весть прошла, как электрический ток.

Люди, находившиеся уже на шоссе в десятках и сотнях километров от города, возвращались. Люди, в отчаянии забившиеся в погреба, теперь выходили на улицы.

— Варшава обороняется, — переходило из уст в уста, и на лицах появлялось выражение упорства, дерзкого вызова. Этот лозунг окрылял варшавян, придавал им страшную силу.

Город не был подготовлен к обороне. Окружённый с юга и запада старыми, неприспособленными к современной войне укреплениями, он обладал единственной мощной естественной защитой с северовостока: Вислой.

Но технические и стратегические недостатки с избытком покрывались людскими силами, воодушевлением, охватившим вчерашних незаметных жителей Варшавы, сегодня ставших её защитниками.

Неслыханный энтузиазм охватил людей. К смертельной битве готовились, как к большому празднику.

На вербовочный пункт «Батальона обороны Варшавы» с утра до ночи шли добровольцы.

В окопах рядом с военными мундирами появились рабочие блузы. Оборона форта Бема находилась целиком в руках рабочих. Форт геройски защищал вход в город со стороны Воли. И пространство именно перед этим фортом было особенно густо усеяно скелетами немецких танков.

Пулемётные точки были тщательно замаскированы ветками и высокой травой, росшей на крепостных валах. В углублениях угловых башен были расположены зенитки.

Пулемётные расчёты состояли главным образом из молодых людей в замасленных комбинезонах, прошедших военную подготовку и умевших великолепно обращаться с автоматическим оружием. Более пожилые, вооружённые обыкновенными винтовками, находились у подножья вала.

— Горячий народ — эти штатские, — говорил сержант Копа, обращаясь к Винценту. — Когда вчера налетело на нас подразделение швабов, мы сделали вылаз со стороны форта и такого перцу им задали, что больше они не полезут.

Всё прошлое с его интересами, волнениями — каким нереальным казалось теперь всё это! Единственно реальным был сержант Копа, рабочий с правой стороны, солдат с левой стороны, кусочек предместья в блеске утреннего солнца, который они обороняют, и винтовка, зажатая в руке.

В это самое утро, за час до возвращения Иоланты и Марьяна, Эдварду удалось вырваться с командного пункта и на минутку забежать на Сенаторскую.

Два дня тому назад он был прикреплён к «Батальону обороны Варшавы» и вместе с пулемётными расчётами присоединён к подразделению, охранявшему вход в город со стороны Вержбно, предместья Варшавы.

На Сенаторской Эдвард узнал от Байки, что Иоланта с группой беженцев ушла из города восьмого.

В первый момент его охватило отчаяние, он с ужасом представил, что творилось на дорогах. Упрекал себя, что своими печальными вестями в тот вечер толкнул их на этот шаг. Ах, как нужны были теперь Марьян, Ягодинские, остальные... Ведь Варшава обороняется!

И прежде чем Эдвард добрался до передовых линий, хорошее настроение, не покидавшее его последние дни, вернулось к нему снова. Родилась уверенность, что Иоланта жива, что она спаслась и ждёт его в безопасном месте, у самой советской границы.

— Всё в порядке, всё в порядке, — повторял он, закладывая в пулемёт ленту, и улыбался своим мыслям.

Две недели назад в лесу под Млавой, когда Эдвард так ясно отдавал себе отчёт в неизбежности поражения, учитывая неподготовленность и плохое оснащение армии, он не подумал о «третьем неизвестном» этой войны — о гражданском населении, о «тыле», который становился фронтом, подверженным наибольшей опасности и наиболее самоотверженным. Потом, разъезжая с приказами по городу, Эдвард увидел этот тыл, людей, которые по собственной инициативе копали противотанковые рвы, сооружали противотанковые препятствия из телеграфных и трамвайных столбов, опрокинутых вагонов... Людей, которые тащили из собственных квартир свой убогий скарб: безногие столики, дырявые тазы, старые шкафы, погнутые железные кровати, — тащили, чтобы укрепить «свою» на «их» улице, их руками воздвигнутую баррикаду.

Он увидел людей, которые не думали о бегстве и с презрением смотрели на тех, кто спасал жизнь, когда погибала родина... Увидел людей, которые, чтобы отразить немецкий отряд, угрожавший их предместью, поднимали оружие убитых солдат и шли в бой. Столкновения с полицией в прошлом не пропали даром. Забастовки приучили их к выносливости и бесстрашию.

И Эдвард думал теперь не только о том, чтобы умереть с честью, как решил в ту бессонную ночь перед войной, не только о том (как мечтал позднее), чтобы причинить немцам как можно больше вреда и тем самым способствовать победе, которая придёт когда-нибудь, через много лет, когда его и тех, что борются с ним, может, уж не будет на свете... Эдвард мечтал о победе, начало которой было бы положено сегодня или завтра, здесь, на этом участке варшавского фронта, в этом именно предместье.

«Те удрали, а мы боремся, — думал он лихорадочно. — Организуется какое-нибудь вре-

Когда танки приблизились на тридцать метров, Эдвард бросил первую бутылку с горючей жидкостью.

женное правительство, какой-нибудь орган народной власти, и тогда...» Эдварду казалось, что он ближе чем когда-либо к осуществлению своих давнишних мечтаний, которые были для него наиболее конкретной действительностью, основным содержанием его жизни. Ему казалось..

...После трёхдневной ожесточённой борьбы, после трёхдневной героической обсроны немцы вытеснили их из окопов под Вержбно.. Солдаты отступали, отчаянно защищая каждый выступ здания, обливая кровью каждый метр мостовой.

Это был один из лучших новых районов Варшавы. Строгой архитектуры дома с зеркальными стёклами и новые изящные виллы с садиками, полными зелени и цветов.

В мирное время этот район, эти дома были не для них... В мирное время эти люди ютились на окраине, в кривых и грязных переулках, где были ямы, наполненные зловонной водой, крысы, сырость... А здесь блестел асфальт, благоухали липы, на клумбах цвели розы.

Но теперь этот район принадлежал только им. Хозяева бежали. Виллы были пустынны. И часто утомлённые защитники Варшавы забывались в сладком сне на тахте, застланной покрывалом тончайшей кустарной работы... Это покрывало выткали такие же бедняки, как они, польские или украинские крестьяне. Но солдаты, видя его на фоне блестящего паркета, искрящегося хрусталя, красного дерева и мебели цвета лимона из полированного ясеня, не подозревали ни на минуту подлинного происхождения этой холстины, жёсткой, скромной, полной неожиданных сочетаний красок и оттенков.

Никто им не запрещал теперь здесь спать, смотреться в зеркала, пользоваться душем, ванной, как, впрочем, никто не запрещал отдавать жизнь за каждый из этих домиков, вдоль которых они теперь отступали.

Танки, слепые и страшные, как разъярённые звери, крошили одну баррикаду за другой, тупыми мордами подминали синие артерии громоздящихся рельсов и, вдавливая в землю красные туши трамваев и окровавленные куски человеческих тел, шли вперёд.

Так их вытеснили из просторного роскошного квартала Мокотова. Прекрасные виллы с кустарными тканями и красным деревом, с садиками и розами были теперь в руках немцев.

17 сентября пулемётный взвод, в котором был Эдвард, отступая, задержался у баррикады, тянувшейся через всю ширину Пулавской улицы, в каких-нибудь шестидесяти метрах от того места, где пышная, роскошная аллея переходит в узкую «кишку» старого квартала.

Жители «кишки», не боясь ничего, помогали солдатам. Это были их солдаты, их баррикады, их борьба.

Они построили три баррикады. Но две, пересекавшие переулок, ведущий к Бельведеру, и улицу, прилегающую к полям Охоты, сапёры, к огорчению строителей, разобрали, выругав их за то, что они не помогают армии, а добавляют ей работы и вносят беспорядок. Баррикада на Пулавской осталась, эта была хорошей, она помогала армии...

Теперь жители заботились о гарнизоне, носили солдатам хлеб и воду, приглашали в свои старые хибарки поспать, умыться...

* * *

В «кишке» танкам было труднее. Здесь нельзя было развернуть атаку. Танки наступали в одиночку, и солдаты встречали их противотанковыми гранатами, заставляли поворачивать, и тогда их догоняли снаряды противотанковой пушки. Эта пушка была гордостью баррикады и её покровителей.

19-го пушка замолкла.

— Что случилось?—спрашивали штатские, когда в оглушающей музыке орудий не стало одного составного звука.

Солдаты знали... Кончились снаряды...

— А что с боевыми припасами для пулемётов?

— Противотанковых пулемётных лент осталось только девять ящиков.

Теперь Эдвард стоял у пулемёта; на его мотоцикле поехал в Цитадель весёлый, вечно распевающий модные танго восемнадцатилетний типографский наборщик Флорек.

Излюбленную свою песенку «Танголитта» Флорек переделал так, что вместо имени вероломной девушки, о которой плачет покинутый ею любовник, вставлял «Адольфа».

И каждый раз, хотя Флорек распевал её целыми днями, песенка вызывала всё новые взрывы всеобщего смеха.

— Что это наша «Адольфина» не возвращается? — волновались люди.

— Только бы успели подвезти снаряды до новой атаки!

Перерыв продолжался около получаса. Потом танки возобновили атаку. Обыкновенные пулемётные пули отскакивали от их брони, не причиняя им никакого вреда...

Танки вошли в «кишку», в которую до этого не осмеливались углубляться.

— Уже знают, что у нас нет противотанковых снарядов, сукины дети! — крикнул стоявший рядом с Эдвардом кадровый сержант, родом из Силезии.

Вдруг неожиданно сержант застонал и вытянул руку вперёд. Эдвард глянул по направлению вытянутой руки сержанта, думая, что тот показывает ему какую-то цель, и только спустя минуту, когда сержант упал с баррикады, Эдвард понял, что это был последний, судорожный жест умирающего. Снаряд раздробил сержанту череп.

Первый танк был уже в пятистах метрах, за ним следом вползли в «кишку» ещё три.

И тогда Эдвард крикнул:

— Бензин!

Соскочил с баррикады, бросился к воротам, к погребу.

— Бензина! — кричал он.— Бензина! У кого есть бензин? Скорей!

Толпа озадаченно молчала, не понимая, для чего понадобился бензин. Наконец, отозвались несколько женщин:

— Бензин, наверное, есть у жены шофера, она живёт здесь недалеко.

Другая добавила:

— У меня есть немного дома. Для зажигалки был, есть наверху, в квартире.

— А сколько надо этого бензина? Для чего? — начали спрашивать все сразу.

— Много, как можно больше,— какие там зажигалки, бензина надо много — бутыли, банки...

Две женщины побежали. Остальные продолжали оставаться в нерешительности, всё ещё не понимая, в чём дело...

Вдруг маленькая, живая старушка выскочила вперёд:

— А керосин?

— Керосин! — крикнул Эдвард.— Давайте керосин! Скорей, на баррикаду, поджигать танки!

Люди кинулись по этажам, в квартиры, не обращая внимания на огонь пулемётов и осколки снарядов. Подростки, женщины бегали от ворот к воротам, добывая повсюду керосин.

Теперь, когда люди поняли, в чём дело, теперь, когда они знали, что могут помочь «своей» баррикаде, — страсть Эдварда передалась им.

Солдаты стояли на баррикаде, подняв бутылки над головой, как гранаты.

— Ждать, ждать! — орал Эдвард не своим голосом, охрипший, с вытаращенными глазами.

Когда первый танк был в пятидесяти метрах, какая-то женщина не удержалась и бросила бутылку. Бутылка упала рядом с танком. За ней полетела другая, третья...

— Ждать, говорю, чорт возьми, ждать, не бросать!—рычал Эдвард.— Не тратить зря!

Когда танки приблизились на тридцать метров, Эдвард бросил первую бутылку с горючей жидкостью. Этих бутылок было только несколько... Но люди уже несли охапки тряпья, газеты, вырванную из тюфяков солому, клочья матрацев с развевающимся волосом. Они поджигали это всё и бросали вниз с баррикады, как куски подвижного огня. И вот загорелся керосин, разлитый на земле из не достигших цели бутылок. Поднялась стена огня и закрыла пролёт «кишки». Когда стена опала, люди увидели, что первый танк горит.

Дружное радостное «ура» вырвалось из уст защитников баррикады... Людей охватило неистовство... Керосин несли со всех сторон, с дальних улиц. Подавали его под пулями из рук в руки на самую баррикаду солдатам, женщинам, детям, мужчинам, взобравшимся туда неизвестно когда, чтобы подавать бутылки Эдварду и бойцам. Бесстрашные, они стояли теперь на первой линии огня, забывая об опасности, не думая о смерти, подавали бутылки, бросали их...

Второй танк начал отступать, лавируя среди пламени, и вдруг скрылся в нём. Красная волна огня окутала танк. Люди видели, как крышка люка подскакивает, будто крышка кипящего чайника, но изнутри никто не показывался. Отступая танк врезался в другую машину, и люк нельзя было открыть. Наконец, крышка перестала подпрыгивать, и люк остался полуоткрытым. Изнутри вырвались языки пламени и слились с бушующими снаружи.

Третий отступающий танк вдруг начал скользить, странно вилять и шататься — с его колёс соскочила гусеница. Напрасно водитель старался заставить чудовище вынести его на оставшейся гусенице из-под огня неистовствовавшей баррикады.

Танк метался, как разъярённый зверь, таранил дома, рыл носом баррикаду, пятился задом гигантскими рывками, однако выбраться из «кишки» не мог.

Эдвард, мокрый от пота, чёрный от взрывов, с бутылкой, поднятой вверх, бросился с баррикады вперёд на искалеченный танк, а за ним хлынула толпа рабочих и солдат, подростков и женщин с бутылками над головами. Глаза их горели бешеной ненавистью, сердца трепетали от восторга.

Эдвард не заметил ни огненного прикосновения осколков, помявших его шлем и обжигавших плечи, ни боли в ноге. Какая-то удивительная сила, как будто он вдруг потерял всякий вес, уносила его ввысь.

«В такой момент умирать!» — промелькнуло в голове Эдварда.— «В такой момент» это не значило для него только—в момент уничтожения танка, это не было в момент страстного упоения жителей Пулавской своей кратковременной победой...»

Эдвард не знал, что Варшава как остров в море огня, крови и уничтожения, что они не защищают уже ничего, кроме чести польского народа, что вся Польша находится в руках немцев, что правительство и командование уже три дня тому назад скрылись, что отчаянное геройство и самоотверженность Варшавы не могут исправить многолетней бездеятельности и измены правительственной клики.

Он, такой трезвый всегда, сейчас, в упоении боя, думал или, вернее, мечтал без мыслей, только образами, вспыхивающими так же ярко, как взрывающиеся кругом снаряды, что массы, наконец, возьмут власть в свои руки и после веков неволи пойдут в бесконечные солнечные дали.

Эти дали, озарённые ослепительным светом молнии, на одну сотую секунду сверкнули над головой подхваченного взрывом Эдварда. А потом всё погасло. Словно кто-то бросил ему в глаза горсть пепла.

Перевела с польского Вероника Мотылевская

Великий русский баснописец

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

М. Добрынин

21 ноября 1944 года исполнилось сто лет со дня смерти великого русского писателя Ивана Андреевича Крылова. Блестящий публицист, замечательный журналист, талантливый критик, непревзойдённый баснописец, прекрасный знаток русского народного языка, Крылов является одним из создателей нашей национальной культуры.

Он прожил долгую и интересную жизнь. Современник Новикова, Радищева, Державина, Карамзина, он пережил многих декабристов, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова...

Его творчество представляет собой летопись, охватывающую время с 80—90-х годов XVIII века до 40-х годов XIX века. Пятнадцатилетним мальчиком Крылов написал комическую оперу (комедию с куплетами для пения) «Кофейницу». Не случайно сюжет своего первого произведения он взял из знаменитого, передового для эпохи журнала Новикова «Живописец». Злая сатира на помещиков и их прихлебателей, ярко выраженное сочувствие угнетённому крестьянству составляют основу этой оперы.

Из других драматических произведений Крылова заслуживает особого внимания шуто-трагедия «Трумф», представляющая злую сатиру на немцев и царское самодержавие. Герой шуто-трагедии Трумф великолепно воспроизводит самонадеянность, тупоумие, самоуверенность немцев. Демократическая точка зрения, глубокое понимание тяжёлого положения широких народных масс, борьба за свободу человеческой личности характерны для раннего Крылова.

Эти черты ещё более усилились у Крылова — публициста, журналиста, критика. В 1789 году Крылов издаёт журнал «Почта духов». Писатель не имел возможности говорить прямо о той социальной несправедливости, которая господствовала в обществе. Он делал это иносказательно. Его водяные, воздушные и подземные духи оказались довольно реальными существами. Карьеризм, лесть, прислужничество, пустота, воровство, взяточничество, кривосудие, несправедливость разоблачены в письмах гномов.

Журнал «Почта духов» существовал один год. В 1792 году Крылов издаёт сатирический журнал «Зритель». Среди интересных статей этого журнала отметим «Похвальную речь в память моему дедушке, говорённую его другом в присутствии его приятелей за чашею пуншу». По содержанию это злая сатира на воспитание и жизнь благородного дворянского сословия, а по форме — пародия на торжественные надгробные и поминальные речи. Высмеивая кичливость благородным происхождением, самодурство, невежество, жадность, распущенность, мотовство, пустое времяпровождение, Крылов показал своего героя — помещика Звениголова — типичным явлением тогдашней жизни.

В другом прекрасном произведении — «Каиб» — художник высмеивает самодержавие, царей, их слепоту, общественный порядок.

В нём слились злая сатира на тогдашние общественные порядки и не менее злая пародия на литературу, которая приукрашивала действительность. Крылов же выступал за реализм, за правдивый показ жизни.

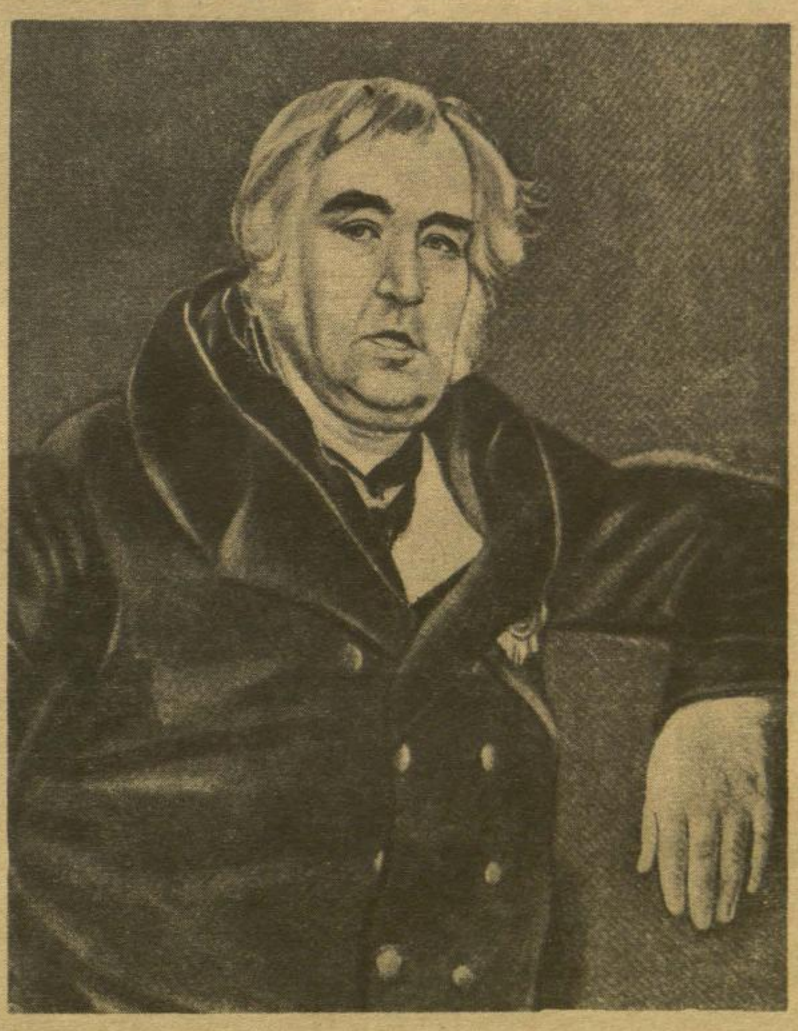
По глубине, широте и остроте общественно-политических вопросов, затронутых им в период журнальной публицистической деятельности, Крылов стоит в одном ряду с Николаем Ивановичем Новиковым и Александром Николаевичем Радищевым.

«Трутень» и «Живописец» Новикова были для Крылова отправной точкой в идейном и формальном отношении. В своих журналах он продолжал сатирическую традицию Новикова, был сторонником бичующей сатиры, а не сатиры в «улыбательном духе», заполняющей тогдашние журналы.

Статьи Крылова в «Зрителе» и «Почте духов» идейно и формально связаны со знаменитым «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева. Тот же пламенный патриотизм, борьба против деспотизма и крепостничества, защита свободы, человеческого достоинства, интересов широких народных масс. «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»,— писал Радищев. Это выражало отношение к жизни лучших людей эпохи, а среди них и Крылова.

В 1793 году прервалась журнально-публицистическая деятельность И. А. Крылова, для него настало тяжёлое время. Он переживал три события, которые оказали на него большое влияние.

В 1790 году был осуждён и сослан в Сибирь на 10 лет за свою книгу Александр Николаевич Радищев. В 1792 году был арестован и заключён в Шлиссельбургскую крепость Николай Иванович Новиков. Наконец, был подвергнут аресту сам Иван Андреевич Крылов. Нет основания предполагать, что из-под ареста Крылов вышел другим человеком, что его духовный рост был нарушен, но он учёл политическую обстановку и избрал для выражения своих взглядов «эзоповский» язык.

Иван Андреевич Крылов

Басня оказалась, таким образом, органической формой творчества Крылова в XIX веке.

Крылов-баснописец — тот же горячий публицист, оратор, боец, каким был в период журнальной своей деятельности. В самом деле, именно потому, что Крылов был мудрецом, он мог, избрав форму басни, свободно высказывать своё отношение к жизни.

«Сказка—ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок»,— писал Пушкин. Так и басня: в ней намёк. Недаром же грибоедовский Загорецкий восклицал:

«Нет-с, книги книгам рознь.
А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налёг;
Ох, басни—смерть моя!
Насмешки вечные над львами! Над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а всё-таки цари».

И верно, от басни Крылова нельзя было убежать. Не было ни одного большого явления общественной жизни, которое обошёл бы Крылов в своих баснях. Он был голосом народа, выразителем его отношения к окружающему миру. Ему удавалось сказать то, что было у многих на уме, выразить то, что чувствовали все. Он мог бы сказать о себе: «Я знаю Русь, и Русь меня знает». В его духе выразилась сторона духа народа; в его жизни выразилась сторона жизни миллионов» (Белинский).

В грозной схватке русского народа с полчищами Наполеона можно наблюдать удивительное единодушие. Все дружно встали на защиту отечества, с надеждой смотрели на борьбу наших армий, с болью покидали родные места, отступая перед французами. Вопросы военной тактики стояли в центре народных интересов, стратегия Кутузова не всем была доступна, а Крылов с чисто народным юмором раскрыл её смысл в басне «Обоз». Так же просто показал он Наполеона в баснях «Волк на псарне», «Щука и кот», «Ворона и курица». Моральное превосходство русских, их живой патриотизм, национальную гордость выразил Крылов в этих произведениях.

Русские войска пронесли свои знамёна через всю Европу. Русские вправе были гордиться своими победами, это поднимало в них чувство национальной гордости, сознание самобытности и независимости. Крылов, нападавший на галломанию до войны, должен был ещё резче напасть на этот порок после войны. Таковы его басни «Червонец», «Кукушка и Горлинка», «Крестьянин и Змея», «Бочка» и т. д. Выступая против воспитателей-иностранцев, Крылов писал: «Лучшая Змея, по мне, ни к чорту не годится».

Крылов, таким образом, выступал за народно-национальные основы культуры, за её самобытность. Он менял форму, но суть оставалась та же. Литература для него была кафедрой, и с неё раздавался уверенный голос писателя—борца за народ, за свободу, против деспотизма и самодержавия («Лев на ловле», «Рыбьи пляски»), за униженных и оскорблённых, против самовластия и угнетения («Волки и Овцы», «Вельможа», «Мор зверей»), за человека и человеческую личность, против самодурства и деспотизма («Мирская сходка», «Лягушки, просящие царя»).

В своих баснях Крылов раскрывает русский народный характер. «Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа... В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной и завещанной отцами из рода в род». (В. Белинский).

Работа Крылова над русским языком является его великой заслугой перед русской культурой. Язык и стих подняты Крыловым до такой простоты, выразительности, силы, меткости, до такого совершенства и народности, что «сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении» (Белинский).

Прошло сто лет со дня смерти Ивана Андреевича Крылова, но его творчество не померкло, оно сияет в величии русской национальной культуры, одним из творцов которой был этот изумительный человек.

ВСТРЕЧИ

Алексей Новиков

У Олениных был съезд. В доме президента Академии художеств собирались без чинов. Среди сановных звездоносцев мелькали скромные фраки литераторов и вольные костюмы живописцев. Оленины любили искусство и чтили таланты.

Когда гости были в сборе, в зал вошла Анна Петровна Керн. В том, тысяча восемьсот девятнадцатом году ей едва минуло девятнадцать лет, но уже третий год её титуловали превосходительством. Девочка, выданная за престарелого генерала, теперь впервые являлась в петербургский свет из провинциальной глуши. Столичный кузен называл ей имена гостей. Многих из них Анна Петровна знала по журналам и книгам.

— Полюбопытствуйте, кузина, там у окна...— кузен сделал уважительную паузу,— сам Иван Андреевич Крылов!

— Где?!

Юная генеральша совсем по-детски приоткрыла рот и устремила по указанному направлению быстрый и любознательный взор.

Перед нею, точно, был живой Крылов. Он сидел в креслах неподвижно, чуть склонив крупную голову. Вокруг славного баснописца было, как всегда, тесно и оживлённо, но сам он не принимал участия в беседе.

Когда Анну Петровну подвели к Крылову, он привстал учтиво и легко и вдруг протянул ей обе руки с ласковым приветом. Однако разговор их не состоялся. В зале произошло общее движение. Кто-то выдвинул свободное кресло на середину:

— Иван Андреевич изъявил согласие читать!

Так бывало и прежде. Читая новые свои басни на приёмах у Олениных, Крылов как бы выдавал их в свет.

Сначала Анне Петровне показалось, что баснописец просто продолжал прерванный разговор или пересказывал недавний случай:

«Мужик, на лето в огород
Наняв осла, приставил
Ворон и воробьёв гонять
нахальный род...»

Иван Андреевич читал, почти не меняя голоса, без всяких жестов, только изредка сопровождал слово движением бровей или неуловимой игрой губ:

«...Осёл был самых честных
правил,
Ни с хищностью, ни с кражей
незнаком...»

Общий смех прорвал тишину и, по мере того как развёртывалось действие басни, перерастал в бурный восторг.

Анна Петровна не сводила с прославленного поэта глаз. В это самое время ей представили невысокого молодого человека:

— Александр Сергеевич Пушкин!

Керн ответила на поклон, почти не глядя, всё ещё не прерывая своих наблюдений за Крыловым. А Пушкин стоял перед ней, как завороженный, не скрывая восхищения.

Он, не таясь, любовался Анной Петровной весь вечер, и во время игры в шарады и за ужином, когда за соседним столиком, совсем близко, она опять услышала его ясный голос:

— Бог мой, можно ли быть такой красивой!

Уезжая от Олениных и садясь в карету, Анна Петровна ещё раз сказала кузену:

— Как он был хорош, когда читал свою басню! Я была в чаду поэтического очарования! Можно ли это забыть?!.

Пушкин, выбежав провожать её, стоял на набережной и долго смотрел вслед экипажу.

Увы! Собственные его стихи хотя уже славились на берегах Невы и в стремительном беге достигли Белокаменной, но слава Пушкина ещё не докатилась до Полтавы. А именно из Полтавы и явилась в петербургский свет Анна Петровна Керн.

Через год, едва завершив «Руслана и Людмилу», Пушкин был обречён на изгнание. Поэта ссылали за то, что пушкинские строфы знал наизусть каждый, кто был молод, честен, свободолюбив, кто верил в будущее России. Началась ссылка без срока и без надежд, на дорогах которой обозначились Крым и Кавказ, Кишинёв, Одесса и, наконец, Михайловское.

По воле судьбы сюда же, в соседнее Тригорское, в 1825 году явилась гостьей Анна Петровна Керн. И Пушкин снова стоял перед ней растерянный и завороженный и не мог совладать с румянцем смущения, когда вручал ей стихи:

«Я помню чудное мгновенье...»

Оба помнили вечер первой встречи у Олениных, тот самый, на котором читал свои басни Иван Андреевич Крылов. Но теперь и Пушкин был Пушкиным. Анна Петровна знала от строки до строки «Бахчисарайский фонтан», «Кавказского пленника» и была влюблена в онегинские главы.

Как вождь, брошенный в заточение, Пушкин обозревал из Михайловского поле битвы, на котором созидалась русская литература. Он запрашивал друзей о каждом, кто был дорог его сердцу и нужен России.

«Что Крылов?»— особенно настойчиво осведомлялся Пушкин.

И, словно бы для того, чтобы показать, что значит для русской культуры Крылов, поэт обильно уснащал собственные письма цитациями из крыловских басен. И снова допытывался:

«Над чем трудится Крылов?»

Иван Андреевич попрежнему жил в скромной квартире библиотекаря, в здании Петербургской Публичной библиотеки. Одна из комнат пребывала вовсе без употребления; вторая звалась залой, правда, без всяких к тому видимых оснований; в третьей, окнами на Невский, за перегородкой стояла кровать, а на диване перед неказистым столиком у окна проводил время Крылов. Форточки в этой комнате почти никогда не закрывались. Гостинодворские голуби охот-

Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, И. А. Крылов.

КРЫЛОВ В АНГЛИИ

Маррис Мюррей

С произведениями великого баснописца Крылова английская публика познакомилась более ста лет назад. Правда, это были не очень точные и образные переводы, но всё же они давали представление об остроте и юморе оригиналов. Переводчик Джон Баури встречался с Крыловым в 1820 году в России и получил от него в подарок рукопись басни «Осёл и Соловей». Баури опубликовал перевод этой басни в сборнике «Образцы русской поэзии», куда вошли стихотворения Державина, Карамзина и других русских поэтов.

Следующим по времени переводчиком Крылова был Вильям Ральстон — библиотекарь Британского музея. Его книга переводов басен (в прозе) с очаровательными иллюстрациями была очень популярна в Англии.

Затем басни Крылова появились на английском языке в переводах таких знатоков русской литературы, как И. Г. Гаррисон и Ф. Коксуелл. Но наибольшим успехом пользуются переводы Бернарда Пэрса. Опубликованные в 1927 году, они получили высокую оценку прессы.

Английская литература небогата баснями. Этот жанр использовали Драйден и Гей. В Англии не было ни одного баснописца, который обладал бы талантом Крылова, несмотря на то, что англичане любят басни и Эзоп и Лафонтен известны им с детства.

По выходе переводов Пэрса стало очевидно, что в мировой литературе Крылов стоит в одном ряду с этими великими баснописцами.

«Бирмингам пост» поместил на своих страницах рецензию на книгу Пэрса. Там говорилось, что наиболее отличительная черта басен Крылова — возможность применять их ко многим случаям жизни: «Поражаешься, как часто можно найти в любой из его басен комментарий на современные события». Другой рецензент отметил (в «Бритиш уикли»), что «Гениальность Крылова очевидна из следующего факта: когда читаешь Крылова в хорошем настроении, он веселит тебя, а когда ты в дурном настроении, его басни соответствуют этому настроению».

«Оксфорд мэгэзин» писал: «Величайший русский классик должен стать широко известен английскому читателю»,— а «Таймс» отметил: «Английский читатель, который впервые знакомится с баснями Крылова, не может не насладиться их силой и остротой: они доставляют постоянное наслаждение и заставляют призадуматься над многим».

Два года назад появилось второе издание переводов Пэрса — дешовое, массовое (тираж — 25 тысяч экземпляров). Английский перевод напечатан параллельно с русским текстом. Всё издание было распродано в очень короткий срок.

Благодаря работе Пэрса и предшествующих ему переводчиков английский народ хорошо знает и чтит Крылова.

Перевод с английского

но пользовались ими, чтобы отведать щедрого угощения, насыпанного повсюду. Голуби чувствовали себя здесь, как дома.

Сидя в задумчивости, Крылов курил сигару за сигарой. А если замечал, что сигара погасла, тогда звонил в маленький колокольчик, и из кухни, шлёпая босыми ногами, напевая на ходу недоконченную песенку, прибегала девочка, капала воск прямо на столик и водружала перед Иваном Андреевичем тонкую копеечную свечу. Крылов раскуривал и снова погружался в думы.

Когда он, всё обдумав, строго оценив и взвесив, считал басню законченной, тогда тянулся к лоскуту бумаги и собственноручно перебелял. Впрочем, почерк был так неразборчив, что и сам автор с трудом разбирал написанное. Но басни, едва родившись, уходили в народ и жили в народе как пословицы.

Слава давно явилась к Крылову. Но ничто не изменялось в этой квартире. Ни голуби, ни девочка, прибегавшая со свечой, не имели ни малейшего понятия о том, кто обитает в этих пустых плохо прибранных комнатах.

Русский меценат Орлов предпринял в Париже перевод басен Крылова на французский и итальянский языки. Около шестидесяти поэтов и переводчиков трудились над изданием, ещё небывалым в жизни русских писателей. Сам знатный Лемонте, историк и тонкий ценитель искусства, написал предисловие к французскому изданию.

Однажды Крылов вернулся домой с номером «Московского телеграфа» и, усевшись на диван, принялся внимательно читать статью «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова». Автор этой статьи говорил о стихии русского языка, о гении Ломоносова, о судьбах литератур западной и русской и безоговорочно называл Крылова истинно народным поэтом.

«...ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев».

Под статьёй стояла подпись: «Н. К.» Но она не могла обмануть Крылова. Под скромными титлами выступал опальный вождь русской литературы. Он сумел откликнуться из своего заточения в Михайловском, чтобы объяснить значение Крылова для России и мировой культуры.

Они встретились через несколько лет, когда полупрощённый Пушкин после Москвы приехал в Петербург и здесь читал друзьям «Бориса Годунова». Как и в Москве, трагедия вызывала и восторги и страстные диспуты.

Пушкин был тогда ещё холост и жил в Демутовом трактире. Однажды у него сошлись ввечеру Крылов, Вяземский, Жуковский, Мицкевич. Мицкевич импровизировал, и импровизации его были полны блеска и огня. Потом читали стихи, говорили о судьбах литературы. Наконец, читал басни Крылов. Его трудно было упросить, но только не Пушкину: не было слушателя, который бы доставлял баснописцу большее наслаждение.

Друзья засиделись, и когда Пушкин подошёл к окну и отдёрнул штору, в окна номера Демутова трактира полился рассвет и за окнами в призрачной утренней дымке встал Петербург. Никто не мог понять, когда пришло утро. А Крылов решительно заверял, что никогда не было с ним такого конфуза, чтоб он не вернулся на ночь домой, с тех пор, как занял казённую квартиру...

Пушкин перешёл в 1833 году к историческим изысканиям, трудясь над историей Пугачёва. По собственным словам, он поверял мёртвые документы словами ещё живых очевидцев и вновь поверял их дряхлеющую память исторической критикой.

В те дни участились его встречи с Крыловым. Четырёх лет от роду будущий великий баснописец слышал и запомнил первые раскаты народной грозы. Пушкин собрал эти рассказы и бережно занёс их на особые листы.

«Отец Крылова (капитан) был при Симонове в Яицком городке. Его твёрдость и благоразумие имели большое влияние на тамошние дела и сильно помогли Симонову, который вначале было струсил. Иван Андреевич находился тогда с матерью в Оренбурге. На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 р.!..»

Иван Андреевич припомнил давнее прошлое, и в рассказах его, как живой, встал оренбургский губернатор, тупой немец Рейнсдорп, начальствовавший над войском.

«Рейнсдорп,— записал Пушкин,— был человек очень глупый. Во время осады вздумал он было ловить казаков капканами, чем и насмешил весь город, хотя было и не до смеху. После бунта Иван Крылов возвратился в Яицкий городок, где завелась игра в пугачёвщину. Дети разделялись на две стороны: городовую и бунтовскую — и драки были значительные...»

Пушкинские листы, использованные им в «Истории Пугачёва», могли бы стать и первой страницей биографии Крылова. Интересной фигурой предстаёт в этой биографии отец баснописца, честный служака и неудачник! Он выслужился из солдат в офицеры Московского легиона, а оттуда был безвинно уволен для определения в Оренбургский корпус, потому что «по карабинерской службе парадными вещами исправлять себя был не в состоянии».

Не он ли, скромный и храбрый капитан Андрей Прохорыч Крылов, стал прообразом капитана Ивана Кузьмича Миронова в «Капитанской дочке»?

В январе 1837 года Пушкин, как часто это делывал, взбежал по лестнице в квартиру к Крылову. Поэт был приветлив и ласков, шутил с крестницей Крылова, напел какую-то песенку её дочери и прошёл к Ивану Андреевичу. Редактор «Современника» продолжал свои обычные литературные дела, хотя убийцы уже занесли над ним руку.

Пушкин ушёл от Крылова в тот вечер такой же живой и стремительный, как всегда. Дверь закрылась, колокольчик глухо звякнул.

Через несколько дней Пушкин был смертельно ранен на дуэли. И тогда Крылов, молчаливый, с виду ко всему равнодушный, заговорил с яростью отчаяния:

— О если бы я мог это предвидеть! Я запер бы тебя в моём кабинете! Я связал бы тебя верёвками! Если бы я это знал!..

И скорбная тишина надолго воцарилась в кабинете того, кого Пушкин, забывая о себе, называл во всех отношениях «самым народным нашим поэтом.

АВТОР «МАРСЕЛЬЕЗЫ» — ПЕРЕВОДЧИК БАСНИ КРЫЛОВА

Всеволод Чаговец

Весной 1825 года в окнах книжных магазинов Парижа появилась новинка, на которую, пожалуй, немногие обратили внимание. Это были басни Крылова, изданные на трёх языках — на русском, французском и итальянском — с портретом русского баснописца и несколькими иллюстрациями. Книге были предпосланы два предисловия — Лемонте на французском языке и Сальфи — на итальянском.

Предисловие Лемонте, в котором автор говорит о развитии русской литературы вообще, в том же году было перепечатано в русском журнале «Сын отечества». По поводу этого предисловия Пушкин тогда же написал критическую статью.

Итак, в третьем томике интересующего нас парижского издания басен Крылова, на странице 90, мы находим басню Крылова «Гуси» в переводе Руже де Лиля, автора бессмертной «Марсельезы». Как это видно из помещаемого нами фотографического снимка, под басней имеется и подпись знаменитого переводчика.

Не кажется ли это с первого взгляда несколько странным и даже неожиданным: «Марсельеза» — и «Гуси»!..

Всё это далеко не случайно. И выбор басни, и те маленькие отступления от текста, которые встречаются в переводе, и предпоследняя строка, подчёркнутая, очевидно, самим переводчиком и напечатанная курсивом.

У Крылова послесловие выражено просто:

«— Басню эту можно было бы и боле пояснить.
Да чтоб гусей не раздразнить...»

Руже де Лиль говорит по-иному:

«— Молчи болтливый судья:
Господа нынче — владыки:
Так не будем сердить гусей».

Было время, когда и имя Руже де Лиля и каждое слово созданной им «Марсельезы» вдохновляли и зажигали сердца парижан пламенем свободы и любви к родине.

Рождённая в те дни, когда раздался клич «Отечество в опасности», эта песня сделала своё великое дело. И недаром немецкий поэт, автор «Мессиады», Клопшток записал в своих книгах, что «Марсельеза» обошлась немцам в восемьдесят тысяч жизней!

С «Марсельезой» на устах и со штыками в крепких руках французские патриоты громили интервентов, которые собирались в потоках крови утопить молодую республику и её свободу. «Инженер-капитан из Страсбурга», Руже де Лиль был кумиром Парижа и всей революционной Франции, и его «воинственная песня марсельцев», рождённая в ночь с 25 на 26 апреля 1792 года, вскоре была объявлена национальным гимном.

Но прошло только два года — и «герои» 9-го термидора посадили автора «Марсельезы» в тюрьму. Было недалеко и до гильотины. Впрочем, всё обошлось благополучно, и «Марсельеза» снова зазвучала на улицах Парижа.

Но в дни консульства во Франции прилетели новые птицы, а с ними появились и новые песни.

Наполеон окружил себя своими поэтами и композиторами. Наполеоновская эпопея прошла под иные напевы. Руже де Лиль был забыт. В годы реставрации монархии Бурбонов Руже де Лиль влачил жалкое существование и, посаженный в долговую тюрьму, размышлял о бренности людской славы.

Тяжело было певцу революции снова увидеть у власти «господ», возвратившихся из эмиграции и, подобно крыловским «гусям», требовавшим себе почёта и уважения.

Вот тогда Руже де Лиль, отозвавшись на предложение Орлова, принял участие в переводах басен Крылова на французский язык и остановился на басне «Гуси», в которой нашли своё отражение взгляды и думы автора «Марсельезы» — ненавистника напыщенной аристократии.

Конечно, это был маленький эпизод в жизни великого певца революции. Но, как свидетель того, какой резонанс имели басни незабвенного «дедушки Крылова», этот эпизод не может пройти мимо нашего внимания. И мы с гордостью отмечаем Руже де Лиля, автора бессмертной «Марсельезы», в числе знаменитых переводчиков басен Крылова на французский язык.

Une longue perche en main,
Perrot au marché voisin
Menait une troupe d'Oies,
Et pressé qu'il était, très-peu civilement
Les battait, les chassait, les poussait en avant,
Sans les laisser d'un pas s'écarter de leurs voies.

Басня И. А. Крылова «Гуси», переведенная Руже де Лилем на французский язык.
(Страницы из сборника басен Крылова, изданных в Париже в 1825 году).

БАСНЯ

Александра Ложечко

Рассказ

Осень стояла наредкость сухая, тёплая — настоящее бабье лето. Голубой стеной подымалось над Петербургом безоблачное небо; в садах шуршала под ногами опавшая листва; стоял запах увядающей травы и согретой солнцем земли — запах столь прекрасной золотой осени.

Будто не было войны, пожаров, потоков крови. Будто всё осталось, как было, и окаянный враг не захватил сердца России — белокаменной Москвы.

Крылов лежал на диване с открытою книгой в руках, но давно уже не перелистывал страниц, а смотрел в раскрытое окно. Слышны были крики извозчиков, грохот экипажей и карет по мостовой, говор толпы — привычный шум петербургских улиц.

Этот шум отвлекал от забот; можно было лежать с потухшей сигарой в одной руке и забытой книгой — в другой, наслаждаться ясным осенним днём.

Медленно текли мысли. Вспоминался вчерашний обед — приятное общество.

За столом было много разговоров. По своему обыкновению, Иван Андреевич во время еды молчал и в общей беседе не участвовал. Лишь когда, помолившись на образа, он вместе с гостями перешёл в кабинет хозяина, сел в своё излюбленное кресло и закурил, тогда сквозь дрёму стал прислушиваться к разговорам.

Они были всё о том же — о Бонапарте, о Москве. Петербург да и вся Россия последние месяцы жили только этим.

В столицу доходили слухи о бедственном состоянии армии Наполеона. Очевидцы рассказывали, что французы в Москве голодали и стали употреблять в пищу ворон и кошек... Москва горела. Французы захватили пылающие развалины, а армия Кутузова, сохранив свои основные силы, видимо, готовилась к решающей борьбе.

В известном литературном салоне на Фонтанке было сосредоточие литературной жизни Петербурга того времени. Обычно здесь шли многочасовые споры: прав ли светлейший князь, оттягивая решительные действия, или своей медлительностью он ведёт Россию к гибели?

Вчера как раз споров было немного: не успели гости перейти в кабинет, как хозяин объявил, что он прочтёт новое стихотворение молодого поэта Василия Жуковского, не так давно ушедшего в ополчение.

— Называется оно «Певец во стане русских воинов».

Несмотря на противоположность литературных взглядов — Крылов был членом «Беседы», а Жуковский — ярым «арзамасцем», — Иван Андреевич высоко ценил своего младшего собрата.

— Талант независимый и энергический, — так отзывался Крылов о Жуковском.

И сегодня, слушая новое произведение поэта, Иван Андреевич испытывал истинное наслаждение. В эти чёрные для России октябрьские дни 1812 года так важно и так хорошо было услышать слова о том, что

«...светлых облаков гряда
Уж утро возвещает,
Уже восточная звезда
Над холмами играет».

Важно, что стихи писались эти на поле брани, перед решающими боями с врагом:

«Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей,
За правых — провиденье!»

Когда были прочитаны эти строки, все в молчании поднялись со своих мест.

Впечатление от стихов Жуковского было огромно. Вдруг в самый разгар восторженных восклицаний раздался трезвый голос графа Хвостова:

— Стихи отменные, только написаны, боюсь, не по времени. Упустил князь момент для решающего удара, — Хвостов с сокрушением покачал головой.

Крылову неприятна была эта фраза. Он не хотел вступать в разгоревшийся спор, поспешил домой. И сейчас он мысленно возражал противникам Кутузова.

...Крылов было задремал, когда дверь открыла служанка:

— К вам, барин, гости.

— Проси, — сказал он, подперев рукой свою массивную, немного растрёпанную голову.

Вошёл Гнедич, а вслед за ним — незнакомый молодой человек, худенький, в высоком модном цилиндре.

«Щелкопёр», — сразу определил Крылов и недовольно оттопырил губу.

— Давненько я тебя не видел, а ведь, кажись, соседи, — сказал Иван Андреевич, протягивая Гнедичу пухлую руку.

Гнедич склонился в учтивом поклоне. Выпрямившись, он устремил свой единственный глаз на юношу и несколько торжественно представил:

— Гаврила Семёнович Путятин — в некотором роде наш собрат по перу, начинающий поэт.

Путятин снял цилиндр и, наклонив голову, обнаружил идеальный пробор.

Гости сели. Путятин устроился на краешке кресла и с любопытством стал осматривать жилище великого баснописца, имя которого за несколько лет стало известным всей России. Глянул на диван и ковры, на этажерки и стулья, покрытые пылью.

Молодой поэт скрыл улыбку, кашлянув в кулак.

Несколько секунд стояло неловкое молчание.

— Гаврила Семёнович хотел бы прочитать вам, любезный Иван Андреевич, несколько своих виршей, — сказал Гнедич.

Путятин быстро приподнялся в кресле, ещё раз поклонился. В его руках, неизвестно откуда, очутилась тетрадь в бархатном переплёте.

Это были сентиментальные элегии, торжественные и бессодержательные оды, в некоторых случаях — подражание древним; видимо, именно стихи последнего жанра и привлекли Гнедича.

Крылов, полузакрыв глаза, слушал молодого поэта.

Когда монотонное гудение смолкло и в комнате настала тишина, Крылов открыл глаза.

— Ничего, брат, неплохо, — сказал Иван Андреевич; он теперь смотрел на Путятина пристально и даже весело.

Ему пришла в голову мысль, что всё плохое в этом молодом человеке от подражания иноземцам, от желания передать своё естество на чужеземный манер. И тут же подумал, что не могут такие люди, с пустой душой, одолеть русского человека; не завладеют Россией чужестранцы. И от этого стало весело.

Обрадованный похвалой, Путятин пытался продолжить разговор. Но Крылов отвечал неопределённым мычанием и давал понять, что визит можно считать законченным. Молодой поэт поднялся. Гнедич пожал ему руку.

— Я ещё посижу, Гаврила Семёнович, — сказал он с прежней учтивостью в голосе.

Путятин низко поклонился Крылову и Гнедичу, взял трость и цилиндр и на цыпочках удалился из комнаты.

— Тебе ведь не понравились, Иван Андреевич, стихи моего протеже. Зачем же похвалил-то его? — спросил Гнедич.

Крылов усмехнулся:

— Правда — дорогая вещь, не каждый стоит её.

Этот недоросль достоин не только осуждения: пороть надо таких пустословов!

— Стихи у него довольно гладкие, — произнёс нерешительно Гнедич и стряхнул с брюк несуществующую пыль.

— Не такое теперь время, чтобы писать сладенькие стишки. Вся Россия в опасности. Вся, матушка, в огне.

— Ведь Кутузов проигрывает войну. Скоро будет мир, и тогда, Иван Андреевич, станет потребна и такая поэзия.

Крылов поднялся с дивана. Брови его нахмурились, глаза сурово блестели. Гнедич видел его таким впервые.

— Кто это проигрывает войну? Кутузов — первейший полководец, и он спасёт Россию. Вот, говорят люди, что Бонапарт умён. Умный-то он умный, а ум-то у него дурацкий. Вошёл в Москву и думает, что покорил Россию. Ан нет! Кутузов видит дальше. Он сохранил армию и готовит великому победителю Бонапарту бесславную гибель. Вон посмотри в окно. Ты видишь: под гору спускается экипаж. Отпусти кучер вожжи — и помчится пара, перевернёт пролётку. Но кучер сдерживает коней; они медленно идут под гору, зато спускаются невредимы и целы и по ровной дороге помчат седока...

Крылов дышал тяжело, волосы его растрепались, глаза блестели. Он стоял, протянув руку, и было видно, что он сейчас высказывает Гнедичу мысли, которые глубоко продумал и выстрадал.

* * *

Уже начинало темнеть. Осенние сумерки рано спускаются над Петербургом. Фонарщик с лестницей зажёг на улице фонари.

Крылов попросил свечей, бумаги, чернил: складывалась одна из его басен — та, в которой он мудро и прозорливо объяснил своим современникам действия великого русского патриота и полководца Кутузова.

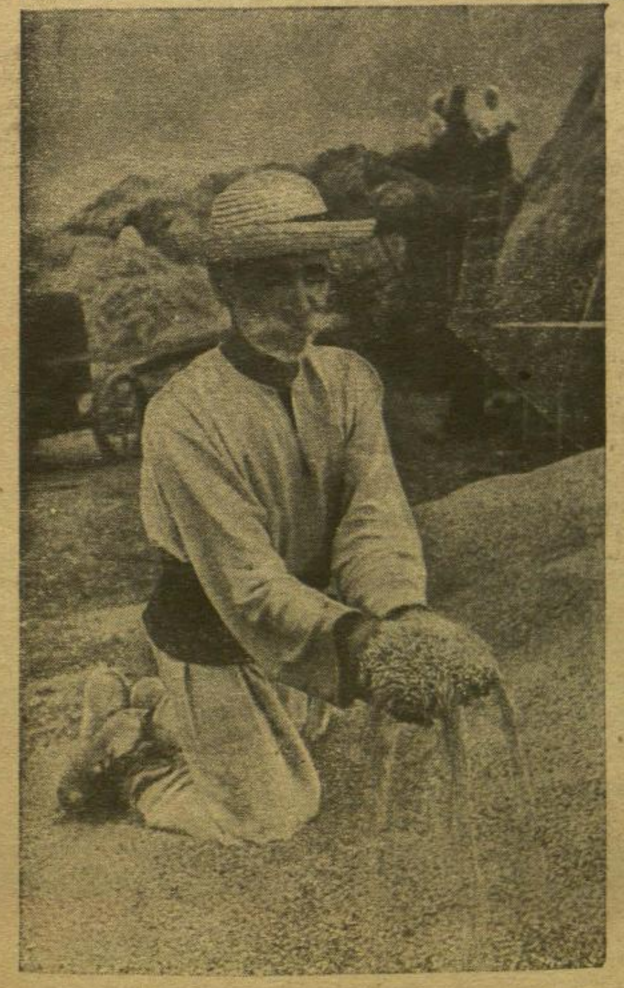
Он понимал: близится разгром Бонапарта, открывается новая глава в истории России.

В связи со столетием со дня смерти И. А. Крылова в некрополе Александро-Невской лавры в Ленинграде собрались представители общественности почтить память великого баснописца. На снимке: возложение на могилу Крылова венков от Союза советских писателей.

Фото В. Федосеева (ТАСС).

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ БУКОВИНЫ

Обильный урожай дала освобождённая земля Северной Буковины. Всё лето крестьяне трудились не покладая рук. Успешно прошли и осенние полевые работы. Земля щедро оплатила усилия тружеников.

В селе Заставня, Черновицкого района, на уборку урожая вышли все — и стар и млад. Большую помощь оказала крестьянам вновь созданная машинно-тракторная станция.

Кипит работа на току. Идёт обмолот последних снопов (верхний снимок).

Любовно перебирает зерно старый крестьянин Василий Булийзюк. В дни немецкого господства он познал горечь рабского труда. Теперь радостно на сердце у старого Василия — не может наглядеться он на горы золотого зерна (снимок слева).

Закончив уборку, крестьяне занялись подготовкой полей к весеннему севу. Трактористка Мария Паращук работает на подъёме зяби (снимок справа).

Фото Н. Колли

НА ВЫСТАВКЕ ТРЕХ МАСТЕРОВ

Выставка трёх выдающихся советских мастеров живописи—М. И. Авилова, Г. К. Савицкого и В. В. Мешкова, — открытая в залах Государственной Третьяковской галереи, демонстрирует достижения нашего изобразительного искусства.

Центральное место в работах Авилова принадлежит большой исторической композиции «Поединок Пересвета с Челибеем» — бой воина Дмитрия Донского инока Пересвета с татарским богатырём Челибеем перед началом битвы на Куликовом поле.

Столкнувшиеся, вздыбившиеся кони с фигурами бьющихся всадников меж двух сошедшихся для смертного боя войск, живописный степной пейзаж, одухотворённый образ русского витязя, победившего врага, волнуют зрителя монументальным раскрытием исторической темы.

Из эскизов других картин цикла Дмитрия Донского выразительно и живописно решены Авиловым «Бегство Мамая» и «Переправа через Дон».

Много поэзии вложил художник в свои пейзажные этюды «Еловая аллея», «Под Гатчиной», «Ранней весной», «Пограничная речка».

Г. К. Савицкий — художник большого дарования, мастер композиции. В рисунках и акварелях Савицкого много света и солнца. Особенно ярко эти качества выделяются в рисунках зверей («Волы», «Воющие волки», «Украинец с быком», рисунки лошадей и собак).

Г. К. Савицкий. «Завоеватели».

В. В. Мешков «Облачно»

Из его больших тематических полотен сильное впечатление производят «Сын» и «Завоеватели». Неожиданное возвращение в родной дом раненого бойца художник передаёт с глубоким, волнующим чувством. Здесь всё дышит подлинной правдой жизни.

В картине «Завоеватели» среди развалин Сталинграда довоевавшиеся фрицы потрошат дохлую лошадь. Психология обречённости и вместе с тем звериной дикости немцев выражена художником с большой силой.

Из остальных работ Савицкого радуют зрителя солнечные пейзажи отдельных уголков Пензы и картина «Пушкин в Михайловском».

Особое место на выставке занимает заслуженный деятель искусств В. В. Мешков — художник русского пейзажа.

Особенно любит В. В. Мешков ветренные дни, дождливую и холодную погоду со свинцовым небом и набухшими дорогами — такой пейзаж доставляет ему большое живописное наслаждение. Таковы его работы «Сибирский мотив», «У переправы», «Урал».

В последних пейзажах Мешкова—«Пашня», «Зима» и другие—зритель чувствует заметное оживление колорита художника.

Большое место в творчестве мастера занимают военные пейзажи, в которых поэтично, сильно и выразительно дана тема родины. В таких прекрасных картинах, как «По следам врага», «Дорога отступления немцев», Мешков предстаёт как чуткий и правдивый художник, одип из первых в дни войны изобразивший наш родной пейзаж в боевой обстановке.

Мих. Сокольников

М. И. Авилов. «Поединок Пересвета с Челибеем».

СТО ДВЕНАДЦАТЫЙ СЕЗОН ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ

На традиционной декадной афише, обрамлённой жёлтой рамкой с чёрным силуэтом великолепного здания театра, ленинградцы вновь, после трёхлетнего перерыва, прочитали названия премьер: «Нашествие», «Русские люди», «Горячее сердце», «Отелло» — в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина.

Ленинградские зрители в программах вновь увидели знакомые и дорогие имена: народных артистов СССР Е. П. Корчагиной-Александровской, В. А. Мичуриной-Самойловой и Ю. М. Юрьева; народных артистов РСФСР Н. К. Черкасова и К. В. Скоробогатова и других.

Третьего сентября театр открыл свой сто двенадцатый сезон. Шла пьеса Л. Леонова «Нашествие». Вторая премьера — «Русские люди» К. Симонова.

Из спектаклей А. Н. Островского театр показал ленинградцам свою последнюю работу — «Горячее сердце».

В скором времени на ленинградской сцене будут возобновлены постановки, осуществлённые театром в Сибири в период эвакуации: «Кремлёвские куранты» и «Стакан воды». Значительный интерес представляют новая работа театра — «Отелло» Шекспира (в заглавной роли Ю. М. Юрьев) — и возобновление последнего спектакля, поставленного перед войной, по роману Тургенева «Дворянское гнездо».

В разгаре репетиции «Великого государя» (В. Соловьёва)—о государственной деятельности Ивана Грозного. В роли Грозного выступят К. В. Скоробогатов и Н. К. Черкасов.

Фронтовой филиал театра репетирует «Бабьи сплетни» Гольдони и чеховский вечер.

Студия театра, созданная недавно для подготовки кадров для основной сцены, заново редактирует постановку «Домика в Черкизове» А. Арбузова и работает над новым спектаклем — «Дон Хиль — зелёные штаны» Тирсо де Молина.

Весь свой труд и творческие силы отдают работники театра на восстановление любимого города Ленина, города-героя, и достойной его, великолепной, исторически сложившейся ленинградской культуры.

Заслуженный деятель искусства Л. С. ВИВЬЕН

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

Наталья Петровна — заслуженная артистка республики С. Гиацинтова, студент Беляев — артист А. Петроченко.

Фото Б. Фабисовича

«Без преувеличения скажу Вам, что вещицы более грациозной и художественной в нынешней литературе вряд ли отыскать»,—писал Некрасов Тургеневу по поводу его пьесы «Месяц в деревне». Но сам автор был другого мнения «Комедия эта... никогда не предназначалась для сцены»,—указывал Тургенев в специальном вводном замечании. Он был изумлён, когда узнал, что Савина выбрала «Месяц в деревне» для своего бенефиса (1879 год).

В 1900 году «Месяц в деревне» в бенефис Ермоловой был поставлен в Малом театре. В 1909 году Станиславский и Москвин осуществили постановку драмы в Художественном театре (в главных ролях участвовали Книппер-Чехова и Коренева).

Но вот уже более тридцати лет «Месяц в деревне» не идёт на московской сцене, и поэтому особенно отрадно, что Театр имени Ленинского комсомола воскресил эту блестящую страницу русской драматической литературы.

— Нам хотелось показать не просто внешне красивую и беспечную, «оранжерейную» жизнь старого «дворянского гнезда», а быстро вспыхнувшие, но глубокие чувства, большие душевные силы, тонкость и благородство русского человека,—говорит постановщик спектакля заслуженная артистка С. В. Гиацинтова.

С первых же минут после поднятия занавеса перед нами Тургенев, бессмертный певец русской природы, поэтичности русской женской души. В исполнении Гиацинтовой Наталья Петровна — полная сил, умная и тонкая женщина. Вышла она замуж не по любви и без проблеска настоящего чувства прожила первую половину своей жизни. Поэтому с такой силой охватило её это чувство сейчас, когда молодой, непосредственный юноша-студент Беляев (артист А. Петроченко) как бы внёс в размеренную усадебную жизнь дыхание полей и вольных просторов. В него влюбляется и Верочка, воспитанница Натальи Петровны (артистка Фадеева), «тургеневская девушка», чистая и нежная, которая, полюбив, становится настоящей женщиной, исполненной гордости и больших нравственных сил.

Удачен и Ракитин в исполнении артиста О. Фрейлиха.

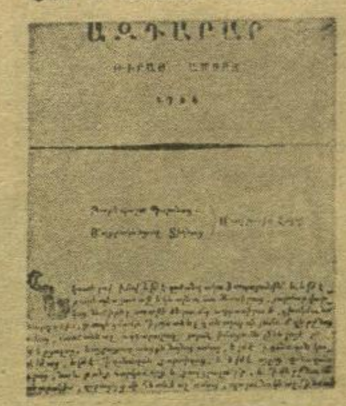
Театр имени Ленинского комсомола создал спектакль тонкий и волнующий, потому что ему удалось передать то особенное, поэтическое восприятие русской жизни, которым проникнуто творчество Тургенева.

Л. ЛОЗИНСКАЯ

150 ЛЕТ АРМЯНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Многовековая культура армянского народа—одного из древнейших народов мира — уходит корнями в глубь тысячелетий, тесно переплетаясь с богатейшей культурой народов Средней Азии и Юговосточной Европы. В 1912 году армянский народ отметил две знаменательнейших даты, два величайших праздника национальной культуры: полуторатысячелетие армянской письменности (412—1912) и четырёхсотлетие армянского книгопечатания (1512—1912). Незадолго до Великой отечественной войны армянский народ, а вместе с ним и все братские народы Советского Союза торжественно отпраздновали тысячелетие героического эпоса «Давид Сасунский», отразившего многовековую борьбу свободолюбивого народа за национальную самостоятельность и независимость, его несгибаемую волю к свободе. И сейчас, в дни жестокой схватки с разбойничьей фашистской агрессией, армянский народ отмечает ещё одну значительную дату в истории национальной культуры —150-летие армянской периодической печати, армянской прессы (1794—1944).

В 1512 году, то есть спустя немногим больше полувека после великого изобретения Иоганна Гутенберга, вышла первая армянская книга, отпечатанная в Венеции. Через три четверти века, в 1587 году, в Константинополе открылась первая армянская типография. В течение XVII века

Титульный лист первого армянского журнала «Аздарар».

армянские типографии появились в крупных центрах Европы и Азии, а в XVIII веке—и в России. 16 октября (старого стиля) 1794 года в городе Мадрасе (Индия) вышел первый армянский печатный орган — ежемесячный журнал «Аздарар» («Вестник»). Редактором-издателем журнала был священник Арутюн Шмавонян, организовавший свою типографию. Журнал издавался на древнеармянском языке и, хотя предназначался, судя по подзаголовку, для «почтенных господ и добродетельных жён из мадрасских армян», он проник и в Константинополь, и в Ереван, и даже в Россию, где имел не только подписчиков, но и сотрудников.

За истекшие полтора века выходило около 1500 периодических изданий на армянском языке. Издавались они в десятках стран и сотнях городов, где только имелись более или менее значительные армянские колонии. После Великой Октябрьской социалистической революции центром возрождённой армянской культуры стала Советская Армения с её прекрасной столицей Ереваном, что не исключало, разумеется, дальнейшего роста и расцвета армянской культуры в братских республиках Закавказья, а также на Северном Кавказе.

В дни Великой отечественной войны армянская советская печать честно несла своё большевистское знамя беззаветно служа делу защиты горячо любимой социалистической родины.

И ныне армянская советская печать вправе с чистой совестью и с сознанием выполненного и выполняемого долга отметить знаменательную дату — 150-летие армянской печати.

Сем. ГАМАЛОВ

Литература и Искусство

ТУРКМЕНСКИЙ БАЛЕТ

Весной 1942 года в столице Туркмении—Ашхабаде—возник свой национальный балет. Впервые зрителю был показан «Вечер балета», поставленный балетмейстером Николаем Холфиным и исполненный артистами национального Театра оперы и балета. В программе вечера были представлены первые опыты туркменских национальных танцев.

Успех этого начинания ободрил коллектив и его руководителей, и к Октябрьскому празднику 1942 года был поставлен первый в истории туркменского народа национальный балет «Алдар Косе» Климентия Корчмарёва на либретто Караджи Бурунова и Николая Холфина. Алдар Косе — излюбленный герой туркменских народных плутовских рассказов и сказок. Он остроумно обманывает богатых и знатных и всегда выступает на защиту народа. Из рассказов о нём удалось построить весёлый сюжет, полный танцев и комедийных положений. Удачное либретто хорошо сочеталось с музыкой Корчмарёва, в основу которой положены народные туркменские мелодии. Артистки Сатлыклычева, Аннаева, Юмай, Тухватуллина и артисты Какабаев, Джапаров, Анна-Курбанов выступили как одарённые артисты, отлично справившиеся с ролями большого, четырёхактного балетного спектакля.

Балет был горячо одобрен зрителями, переполнившими театр.

Недавно коллектив показал новую работу — трёхактный балет Климентия Корчмарёва «Девушка моря» на либретто Николая Холфина.

Балет «Алдар Косе». Карагыз — заслуженная артистка республики Тувакгуль Сатлыклычева, Реджеп — Гоша Джапаров.

В балете впервые представлена морская Туркмения—один из рыболовецких колхозов на острове Челекен, в Каспийском море. Особенно удачна большая картина на пустынном островке, куда после кораблекрушения попадает героиня балета Биби.

В этом спектакле проявили свои яркие дарования впервые выступавшие молодые артисты театра Д. Ходжабердыева, исполнявшая роль Биби, и М. Газиев в роли Незнакомца.

Туркменский народ горячо полюбил свой национальный балет, и в настоящее время балетные спектакли — одно из самых любимых зрелищ туркменов.

Николай ТЕППЕР

Сцена из балета «Алдар Косе».

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В июне 1940 года гитлеровцы вторглись во Францию. Капитулянты и «пятая колонна» распахнули перед немцами настежь ворота во Францию. Сейчас четырёхлетний мрак оккупации рассеялся. Страна очищена от врага союзными войсками и отважными бойцами внутреннего фронта.

На снимке, справа: бойцы внутреннего фронта на посту у «линии Мажино». →

Тиски сжимаются! В то время как Красная Армия вторглась в Восточную Пруссию, наши союзники перешли бельгийско-германскую границу и заняли немецкие города Аахен, Гейленкирхен и др. На снимке слева: отряд американских войск продвигается через брешь, пробитую в немецкой укреплённой «линии Зигфрида», близ Аахена.

На счету у 19-летней французской партизанки Симоны 2 убитых и 26 пленных фрицев.

Долгожданный день наступил для жителей голландского города Эйндховена. Немецкие оккупанты изгнаны отсюда доблестными союзными войсками. На снимке внизу: население Эйндховена радостно приветствует своих освободителей.

↓

Этот снимок весьма красноречив. Белый флаг на одном из зданий немецкого городка Ретгена, автомобиль с американскими солдатами, американский часовой на улице — всё это свидетельствует о том, что немцы изгнаны из своего пограничного района. Заняв Ретген, наши союзники продолжают теснить врага. Успешно развивается наступление союзников в Эльзасе и Лотарингии. Освобождены города Мец, Страсбург, Мюлуз, Альткирх, Саверн и много других. В освобождении Страсбурга активное участие принимали французские танковые части, сражающиеся в рядах 7-й американской армии.

В КОРИЧНЕВОМ ЗВЕРИНЦЕ

Борис Тимофеев

Рисунки Б. Фрадкина

1. СЛУЧАЙ В БУДАПЕШТЕ

По распоряжению «правительства» Салаши в Будапеште запрещено собираться на улицах и в квартирах группами более чем в 3 человека.

Сидел с женой своей мадьяр
Однажды вечерком...
Спал в люльке сын... Вдруг в дверь удар:
Кто к нам стучится в дом?

Пришлось открыть, и в тот же миг
Вошёл под видом гостя шпик,
И замерли в испуге
Венгерские супруги...

Но тут без видимых причин
Явился полицейский чин:
«Вас много ль здесь в квартире?
Раз... Два... Три... и четыре?!.»

И, точно выполнив приказ,
Всех четверых забрал тотчас:
Был каждый в ту же ночку
Посажен в «одиночку»...

2. НИКАКИХ «ИСПАНЦЕВ»!..

Многие гитлеровцы продолжают прибывать в Испанию, где получают испанские фамилии и испанские паспорта.

Это было в предместье Мадрида,
Где платаны и пальмы растут:
Паспортами различного вида
Торговать стали с бойкостью тут...

Петер Мюллер приходит, к примеру
(Он штурмфюрером был до сих пор).
Эйн, цвей, дрей! Он уж Педро Мульеро,
По профессии торреадор...

Не узнать Фрица Шмитта, эс-эса
(Чей в гестапо ценился талант).
По-испански хоть Фриц ни бельмеса,
Да зато он по паспорту гранд!..

Но под маской каких иностранцев
Ни искали б фашисты приют —
И под пальмами этих «испанцев»
И под «липами» — всех их найдут!..

Юмор

3. МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, или «УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ»

Проснувшись как-то в ноябре
(То было в сорок первом),
Промолвил Гитлер: «На заре
Мне сны волнуют нервы...
Я видел, что я взял Москву
И двинулся за Волгу;
Надеюсь, что и наяву
Мне ждать уже недолго...
Итак — готовить фейерверк,
Чтоб праздновать победу:
В Москву вступаю я в четверг,
А может быть, и в среду!..»

Но время движется вперёд,
И вот — в сорок четвёртом —
Про «блиц» Адольф уж не орёт,
В нору свою запёртый...
Сюда едва добрался он
С «усушкой» и «утруской»;
Теперь его уж гонят вон
С земли восточнопрусской!..
Дрожит в тревоге Кёнигсберг...
Берлин считает беды...
А над Москвою фейерверк
Вещает вновь победы...
О новой славе пушки бьют,
И время то уж близко,
Когда услышим мы салют
О том, что навсегда капут
Всей нечисти фашистской!..

НАУКА И ТЕХНИКА

В ПОМОЩЬ ХИРУРГУ

Медицинское оборудование в наше время стало самостоятельной и очень своеобразной отраслью техники, требующей от инженеров и конструкторов особых качеств: они должны быть «инженерами-врачами». Большая часть новых и оригинальных медицинских приборов — результат совместной работы инженеров и врачей.

В этом отношении интересна история электромагнита для извлечения осколков из ран, сконструированного инженерами Н. М. Фёдоровым и Н. И. Лещинским. Сначала их электромагнит развивал тяговое усилие в 300—1000 граммов, но врачи, испытавшие прибор в госпиталях, нашли, что этого недостаточно, так как теперь на войне применяются металлы, плохо притягиваемые магнитом, и для извлечения их осколков из тела нужны бо̀льшие тяговые усилия. По указанию хирургов Фёдоров и Лещинский переделали свой аппарат, и он стал тянуть в четыре раза сильнее. Новый электромагнит был отправлен на фронт и оказался удобным для удаления осколков из глаз: ибо достаточно наконечник аппарата поднести к повреждённому глазу, чтобы удалить осколок.

Но и этот магнит не удовлетворил хирургов.

Конструкторы переделали электромагнит и довели его тяговое усилие до 10 килограммов, причём предложили, если понадобится, увеличить тяговое усилие до нескольких десятков килограммов.

Электромагнит Фёдорова и Лещинского, предназначенный для извлечения осколков из мозга, лёгких, мышечных тканей и глаз, удобно применять вместе со специальным радиоприбором, находящим в теле человека металл, подобно миноискателю, обнаруживающему в земле мину. Такой «радиоискатель» дополняет указания обыкновенного рентгеновского аппарата, не устанавливающего, на какой глубине находится инородное тело. Однако хирургу трудно заменить чем-либо другим рентгеновский аппарат, дающий трёхразмерное (а не плоское) изображение того, что происходит внутри человека. Поэтому очень ценен сконструированный советскими специалистами рентгеновский аппарат, обладающий «стереоскопическим зрением». Две трубки этого аппарата позволяют определять глубину, на которой находится осколок или пуля, с точностью до 1—2 миллиметров, что особенно важно при ранениях головного и спинного мозга, когда опасно каждое лишнее движение хирургического инструмента.

РЕСТАВРАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА

В эту войну ценнейшие произведения искусства подверглись тяжёлым испытаниям. Многие из них погибли от руки гитлеровских вандалов. Немало картин, изделий из бронзы, мрамора и других материалов вернулось в музеи и художественные галереи в сильно повреждённом виде и требует немедленного искусного «лечения».

В реставрационную мастерскую попала картина, несомненно, хранившаяся в каком-то музее, потом долго странствовавшая неизвестно где. На картине подпись знаменитого художника. Но действительно ли она принадлежит ему или это подделка?

Исследование начинают ультрофиолетовыми лучами, направляя их прежде всего на подпись. Ультрафиолетовый свет, падающий на различные материалы, заставляет многие из них светиться. Краски и лаки в зависимости от их происхождения светятся поразному. Поэтому поддельная подпись и все добавления, придающие картине вид работы известного старого мастера, сразу выделяются.

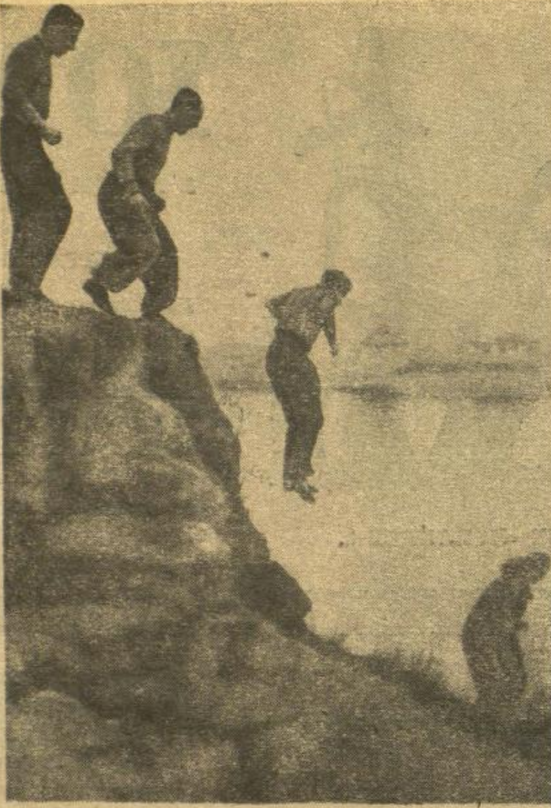
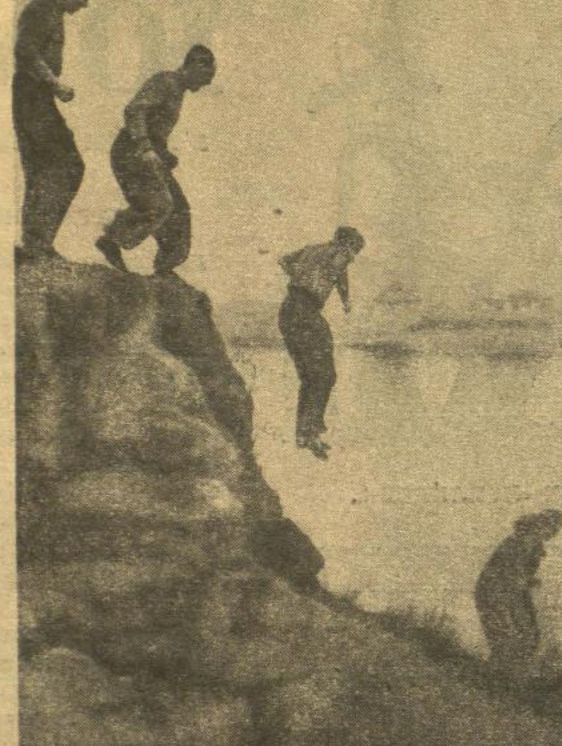
Ультрафиолетовые лучи «осматривают» поверхность художественного произведения. Нередко человеческий глаз сказывается неспособным уловить и правильно оценить оттенки свечения картины в ультрафиолетовых лучах. Тогда на помощь приходит фотокамера со специальными светофильтром и фотопластинками: выдержка при такой съёмке очень велика — картина позирует от 30 минут до часа.

Старые полотна иногда представляют собой настоящий «бутерброд» из многих картин, написанных в разное время и лежащих слоями друг на друге. Для исследования таких полотен применяется тончайший инструмент — микросекционер. Игла микросекционера, напоминающая иглу шприца для подкожных впрыскиваний, вонзается в полотно и делает микроскопическую вырезку. Эту «пробу», взятую у картины, разглядывают и фотографируют под мощными микроскопами. Реставратор видит, сколько слоёв краски лежит на полотне и что представляет собой каждый слой. Современный реставратор уже не смывает эти слои, чтобы добраться до последнего, но снимает их на другие полотна. Так порою из одной картины получается несколько. Эта работа невероятно кропотлива и требует огромного искусства. Даже простое восстановление старой картины, без переноса на другое полотно,— исключительно трудоёмкий процесс: каждый квадратный сантиметр поверхности приходится обрабатывать 2—3 часа.

Имена реставраторов И. А. Баранова, П. И. Ютина, И. И. Суслова, теоретиков реставрации профессоров Рыбникова и Торопова, спасших множество «раненых» или «заболевших» художественных произведений, широко известны в СССР.

Инж. А. Морозов

СПОРТ

ПЕРЕД ЛЫЖНЫМ СЕЗОНОМ

Московские лыжники вышли на тренировку ещё задолго до первого снега. На снимке слева: горнолыжники Московского общества «Динамо» под руководством мастера спорта В. Мауэра тренируются по прыжкам на Ленинских горах; справа занятия горнолыжной школы Московского комитета по делам физкультуры и спорта.

Фото П. Волкова

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ СПАРТАКИАДА

Летняя 60-градусная жара спала в сентябре до «умеренной» в 30—40°, когда в Ташкенте началась среднеазиатская спартакиада. Лучшие спортсмены Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении вышли на старт, оспаривая переходящее красное знамя за общекомандное первенство и переходящие призы по футболу, лёгкой атлетике, гимнастике, плаванию, рукопашному бою и военизированному переходу.

Делегацию туркменских спортсменов возглавлял рекордсмен-дискобол, заслуженный мастер спорта Сергей Ляхов. В коллективе Казахстана был искусный рукопашник, лейтенант пограничных войск Сергей Проказа. В состав команды Таджикистана входил первоклассный мастер военизированного троеборья (штык, стрельба, полоса ГТО) Александр Рябухин. Спортсмены Киргизии гордились своим конником, лейтенантом милиции города Фрунзе Темиркановым, имеющим 21-летний стаж в конском спорте. Физкультурники Узбекистана выставили на старт мастера гимнастики Абрамова, талантливого легкоатлета Борисова, прекрасного пловца Вилкову.

Легкоатлетические встречи ознаменовались первоклассным результатом Ляхова в метании диска — 41 метра 15 сантиметров. Это был лучший бросок в СССР за весь летний сезон.

В острой, интересной борьбе прошёл футбольный турнир. На первое место претендовали команды Узбекистана и Казахстана. Противники закончили матч вничью — 1 : 1. На другой день Казахстан неожиданно проиграл Туркмении со счётом 4 : 1 и этим открыл дорогу к победе своему главному конкуренту.

Напряжённые дни пережили рукопашники. В фехтовании на штыках финальную «пульку» выиграл Проказа. В двух последующих соревнованиях — в стрельбе и преодолении полосы препятствий — лучших результатов добился Рябухин. Ему присудили первое место в военизированном троеборье.

Чемпионами спартакиады по гимнастике были признаны Абрамов и Богатова (Узбекистан). В соревнованиях по лёгкой атлетике отличилась заслуженный мастер спорта Зоя Синицкая, защищавшая спортивные цвета Киргизской республики. Она заняла три первых места. Таким же многократным чемпионом явилась в соревнованиях по плаванию Вилкова (Узбекистан).

Судьбу спартакиады решал военизированный переход. Взводы бойцов состояли из футболистов, гимнастов, пловцов, легкоатлетов и рукопашников. Старт и финиш были у Комсомольского озера в парке имени Сталина. Команды показали отличную физическую подготовку. Спортсмены в полной военной выкладке не шли, а пробежали всю 8-километровую дистанцию. Команда Казахстана финишировала через 47 минут 6 секунд. В зачёт времени входили стрельба и гранатометание.

На ташкентском ипподроме состоялся большой праздник конного спорта. В программу входили гладкие и барьерные скачки, конный кросс, национальная колхозная скачка «аламан-байга», рубка лозы. На отлично подготовленных конях скакали и тринадцатилетние наездники. Двое из юных джигитов: Нурмедов (Узбекистан) и Маханов (Казахстан). — первыми привели своих коней—«Подзальса» и «Дженера» — к призовому столбу. На Янгиюльском шоссе состоялись велосипедные гонки; победил Вартан Саркисов (Туркмения).

Узбекистан занял первые места по футболу, плаванию и гимнастике. Казахстан завоевал первенство в военизированном походе, Киргизия победила в легкоатлетических соревнованиях, Таджикистан дал лучшие результаты в рукопашном бою.

Общее первенство спартакиады выиграла команда Узбекистана, которой и было вручено переходящее знамя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта.

В качестве гостей на спартакиаде выступали чемпионы и рекордсмены СССР — бегуны Пугачевский, Люлько, Шаманова и Радзиковская, десятиборцы Кузнецов и Коротков, барьеристка Фокина, прыгунья Турова, шестовики Озолин и Дьячков, пловцы Дмитриев и Штеллер-Морозова, гимнаст Беляков.

Платон ИППОЛИТОВ,
заслуженный мастер спорта СССР.

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

СОРМОВУ 95 ЛЕТ

О Сормове сложено много песен. Ему посвящены яркие страницы знаменитой повести А. М. Горького «Мать».

В этом году Сормову исполняется 95 лет. В 1849 году здесь был основан судостроительный завод, ставший после реконструкции одним из крупнейших предприятий страны.

Работа на Сормовском заводе в дореволюционные годы была необычайно тяжёлой. В архивных материалах можно найти много фактов, показывающих, каким изнурительным, невыносимым был здесь труд.

Рабочий А. Солянин вспоминает: «Когда работу на нашем заводе сравнивали с каторгой, это было правильно. Был у нас один путь—в кабаки. А в кабаках недостатка в Сормове не ощущалось...»

В Сормове состоялась вошедшая в историю первомайская демонстрация 1902 года, так ярко описанная А. М. Горьким. В цехах завода рабочие создавали крупные боевые дружины.

Радостно встретили сормовичи Октябрьскую революцию. Старые, кадровые рабочие, герои труда, живущие и сейчас в этом индустриальном центре, могут рассказать о том, как снаряжали они Волжскую военную флотилию, как рабочие дружины шли на фронты гражданской войны, как рос и креп завод и вместе с ним — новые дома, посёлки, широкие улицы.

Когда в 1935 году А. М. Горький снова посетил Сормово, он не узнал его: выросли красивые дома для стахановцев, десятки школ, построены Дом культуры имени Сталина, детский Дом культуры имени Петра Заломова, клубы, библиотеки, кино.

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ...

...что первый в России театр для рабочих был открыт 6 февраля 1887 года в Петербурге, в районе Гавани? По сообщениям газет того времени, театр помещался в деревянном здании, освещался керосиновыми лампами и вместо кресел в зрительном зале стояли деревянные скамьи. Театр был рассчитан на 700 зрителей.

...что земной шар имеет объём 1.083.320.000.000. кубических метров? Длина окружности экватора — 40.076.594 метра. Поверхность земного шара — 510.100.900 квадратных метров.

...что в Африке существуют фермы для разведения крокодилов, кожа которых представляет ценное сырьё для выделки галантерейных изделий, портфелей, дамских сумочек и т. д.?

...что самой малочисленной народностью СССР являются алеуты, которых насчитывается всего около 350 человек? Живут алеуты на Командорских островах в северной части Тихого океана.

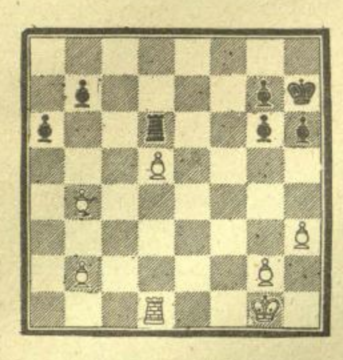
Ответственный редактор М. ДОБРЫНИН Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 5361. 2½ печ. л. Подписано к печати 2/XII 44 г. Изд. № 714. Тираж 100 000. Заказ № 2663.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Шахматы

Под редакцией мастера
Н. Зубарёва

Ботвинник — Флор

В этой позиции была отложена партия Ботвинник — Флор, игранная в финале XIII первенства СССР по шахматам.

Несмотря на материальное равенство положение белых заслуживает предпочтения: они имеют проходную пешку, поддержанную ладьёй, и активного короля, грозящего проникнуть на d4. На королевском фланге две пешки белых уравновешивают пешки чёрных.

Вот как развернулись события во время доигрывания партии:

41. Крg1—f2 Крh7—g8
42. Крf2 — e3 Крg8 — f7
43. Лd1 — f1+ Лd6 — f6

Чёрные решаются на размен ладей. Не лучше, повидимому, продолжение 43... Крe7; 44. Крd4, Лв6; 45. Крc5, Лв5+; 46. Крc4, Лв6; 47. h4 и чёрные рано или поздно должны погибнуть.

44. Лf1 : f6+ g7 : f6

Не лучше 44... Кр : f6, 45. Крd4, в6; 46. Крe4 и т. д.

45. g2 — g4! Крf7 — e7
46. h3 — h4! Крe7 — d6
47. Крe3 — e4! . . .

План белых очень прост: сыграть h5 и прорваться королём к чёрной пешке. Противоядия против этого плана у чёрных нет.

47. . . . в7 — в6
48. h4 — h5 g6 : h5

Если 48... f5+, то 49. Крf4!, gh; 50. gh с тем же результатом.

49. g4 : h5 a6 — a5
50. Крe4 — f5 a5 : в4
51. Крf5 : f6 Крd6 : d5
52. Крf6 — g6 Крd5 — e6

Легко убедиться, что чёрные не успевают выиграть пешку в2 и провести свою пешку. Приходится возвращаться королём обратно.

53. Крg6 : h6 Крe6—f6
54. в2 — в3 Крf6 — f7
55. Крh6 — g5 Крf7—g7

Дальнейшее ясно без комментарий.

56. Крg5 — f5 Крg7 — h6;
57. Крf5 — e5, Крh6 : h5,
58. Крe5 — d5, Крh5 — g5;
59. Крd5 — c6, Крg5 — f5;
60. Крc6 : в6, Крf5 — e6;
61. Крв6 — c5; Крe6 — d7;
62. Крc5 : в4, Крd7 — c6;
63. Крв4 — a5, Крc6 — в7;
64. Крa5 — в5, Крв7 — a7;
65. Крв5 — c6, Крa7 — a6;
66. в3 — в4, Крa6 — a7;
67. в4 — в5, Крa7 — в8;
68. Крc6 — в6.

Чёрные сдались.

СМЕСЬ

ИНДЕЙЦЫ НА УРАЛЕ

Институтом и музеем антропологии Московского университета незадолго до войны была организована экспедиция в Ивдельский район, Свердловской области,— самый северный район области.

Участникам экспедиции пришлось подняться от города Молотова на пароходе вверх по Каме до Чердыни, а отсюда—до Красновишерска. Далее путь следовал по реке Вишера на лодках, выдолбленных из осин. Около 200 километров пришлось сделать на лодках с помощью шестов, так как идти на вёслах против течения быстрой Вишеры было невозможно. В верховьях реки участники экспедиции перешли через Уральский хребет и здесь пересели на оленей. Ехали на нартах через болота по камням. Тут-то и натолкнулся один из отрядов экспедиции на живую иллюстрацию к романам Фенимора Купера.

Перед чумом в трепещущем свете костра стоял индеец. Прямые чёрные волосы падали ему на шею. Горбоносым профилем и тонко очерченными губами он походил на американских индейцев. Так состоялась первая встреча участников экспедиции советских антропологов с представителем народа манъси.

Савва Бахтиаров — так звали этого «уральского индейца» — своим антропологическим типом полностью соответствует типу американских индейцев.

Мужчины ивдельских манъси носят европейскую одежду, но не отказались до сих пор и от своей старинной одежды из оленьих шкур. Летом они ходят в туфлях из оленьей кожи, напоминающих мокасины. Манъси занимаются оленеводством. Летом, чтобы уберечь стада от гнуса, они угоняют их далеко в горы на Уральский хребет.

В конце прошлого века было выдвинуто предположение, что индейцы переселились в Северную Америку из северной части азиатского материка. Виднейшие антропологи, в их числе и советские, добыли уже немало доказательств, косвенно подтверждающих эту гипотезу.

МОНЕТЫ ВРЕМЕН ЧИНГИСХАНА

В Южноказахстанском краеведческом музее в Чимкенте хранятся редчайшие металлические монеты времён Чингисхана. Обнаружил их близ развалин древнего города Отрара, который считается местом смерти Тамерлана, инспектор областного отдела народного образования Бансбаев.

ПЕЩЕРЫ ХВАМЛИ

В 45 километрах от Кутаиси, вверх по Военно-осетинской дороге, расположены пещеры Хвамли. Судя по древним литературным источникам, они служили для хранения государственной казны.

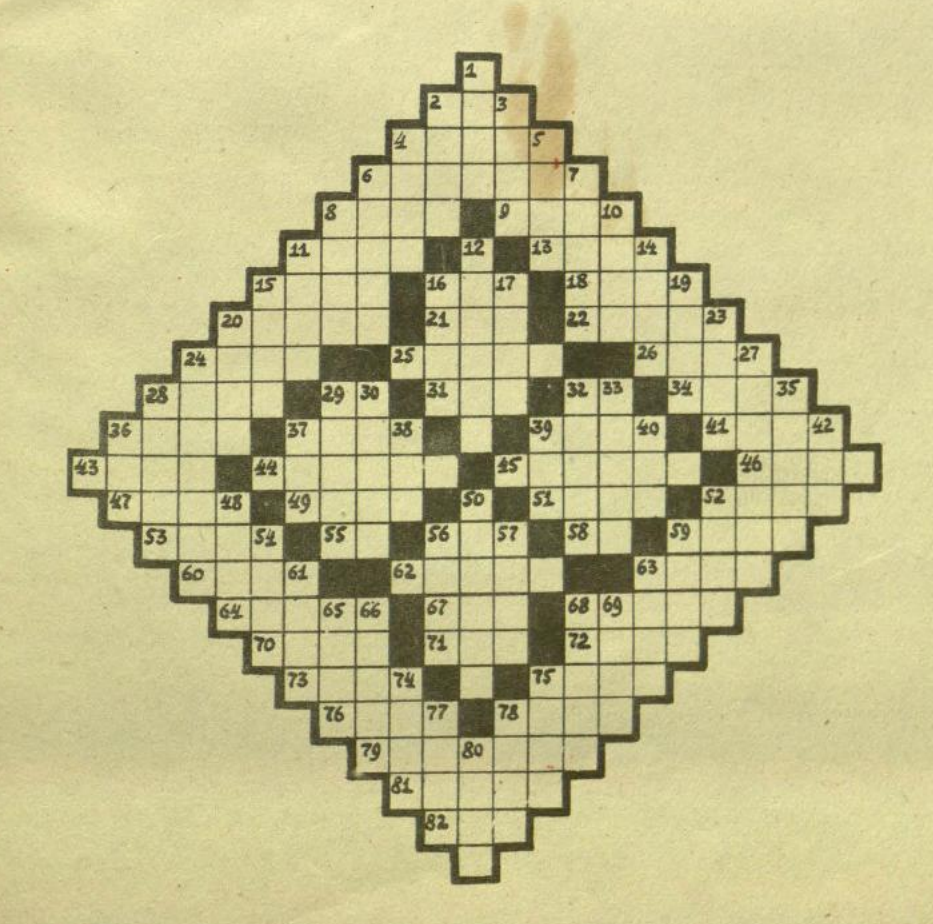
Советских археологов давно привлекали Хвамли, но трудности, с которыми связано посещение пещер, препятствовали их изучению. Лишь недавно удалось проникнуть в Хвамльские пещеры, находящиеся в отвесной скале высотой в 250—300 метров. Членам экспедиции пришлось спускаться в пещеры по верёвке длиной более 200 метров.

Главная пещера хвамльской группы шириной 8 метров, высотой 15 метров представляет естественное углубление в скале. Вход в пещеру преграждает каменная стена высотой в 10 метров. Экспедицией установлено, что ниже главной Хвамльской пещеры находится ещё семь других, выдолбленных в скале.

К этой же группе принадлежит ещё менее доступная пещера — Орхьи. На спуск в неё с вершины скалы исследователи затратили больше 13 часов. Вход в пещеру закрывает стена из огромных каменных глыб размером в 1—1½ кубических метра каждая. Кладка стены сухая, без цементирующего состава.

КРОССВОРД

Составила читательница «Огонька» Т. Рабкина

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Место для стрельбы. 4. Музыкальный инструмент. 6. Меховщик. 8. Животное. 9. Сказочный карлик. 11. Насекомое-паразит. 13. Верхние ряды в театре. 15. Помещение для скота. 16. Нервное заболевание. 18. Газ. 20. Посуда. 21. Насекомое. 22. Дворянский титул. 24. Солдат французской пехоты в Алжире. 25. Змея. 26. Лестница на корабле. 28. Пища животных. 29. Отложения на дне водоёма. 31. Город во Франции. 32. Утверждение. 34. Устаревшее название негра. 36. Французский писатель. 37. Известный провокатор. 39. Планета. 41. Тяжёлая ткань. 43. Толстая игла. 44. Советская балерина. 45. Убийца великого русского поэта. 46. Государство в Азии. 47. Ночная птица. 49. Обычай у мусульманских народов. 51. Столица УССР. 52. Внешнее проявление страдания. 53. Представитель древних кочевых народов. 55. Мера земли. 56. Лицо. 58. Жвачное животное. 59. Сладкое блюдо. 60. Княжество на Аравийском полуострове. 62. Колдун, знахарь. 63. Сооружение из брёвен. 64. Резкий звук. 67. Английский социалист-утопист. 68. Вид упаковки. 70. Роман Золя. 71. Персонаж драмы Ибсена «Пер Гюнт». 72. Планета. 73. Время года. 75. Приспособление для отвинчивания гаек. 76. Возвышенность. 78. Задание. 79. Один из главарей контрреволюции в России. 81. Приспособление для ручной торговли. 82. Низменность.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Река в Малой Азии. 2. Престол. 3. Степень, достоинство. 4. Земляное укрепление. 5. Человек, ухаживающий за ребёнком. 6. Единица речи. 7. Корзина из бересты. 8. Отпечаток. 10. Богиня, вдохновляющая поэта к творчеству. 11. Лицевые части черепа птиц. 12. Учёный спор. 14. Качество. 15. Старьё. 16. Застольная речь. 17. Столица государства в Африке. 19. Драма Ибсена. 20. Непогода. 23. Лекарственное растение. 24. Степень родства. 27. Равенство, равноценность. 28. Соцветие злаковых. 29. Египетская богиня. 30. Французский композитор. 32. Государство в Европе. 33. Пионерский лагерь в Крыму. 35. Средство переправы через реку. 36. Марка автомобиля. 37. Порода попугаев. 38. Русский поэт. 39. Растение. 40. Сельскохозяйственный процесс. 42. Бог лесов. 48. Птица. 50. Цветок. 52. Отрезок времени. 54. Крупнозернистый лёд. 56. Служитель культа в Тибете. 57. Наказание. 59. Дерево. 61. Испанская монета. 63. Внешнее проявление горя. 65. Атмосферные осадки. 66. Отрицательный электрод. 68. Единица измерения в электричестве. 69. Сорт абрикосов. 74. Хищная птица. 75. Громкий возглас. 77. Положительный электрод. 78. Рана. 80. Вывод, результат.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 43 ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Литр. 3. Барнаул. 6. Барабан. 9. Банк. 11. Дудинка. 14. Бригада. 15. Арфа. 16. Адлер. 17. Крот. 18. Киров. 19. Просо. 23. Мотив. 27. Игарка. 28. Ментол. 29. Холст. 30. Арарат. 31. Пехота. 32. Минин. 41. Реверсман. 42. Испарение. 44. Автономия. 45. Интендант. 51. Мидия. 54. Ереван. 55. Гитара. 56. Пихта. 57. Кактус. 58. Навага. 61. Варна. 64. Тавро. 65. Индус. 66. Кора. 68. Лилия. 69. Азот. 71. Кинешма. 72. Ленский. 73. Рион. 74. Вратарь. 75. Локарно. 76. Атом.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Лора. 2. Руда. 4. Анилин. 5. Некроз. 7. Аврора. 8. Август. 9. Брак. 10. Корт. 12. Идеология. 13. Белинский. 20. Минарет. 21. Завал. 22. Уклад. 24. Ветер. 25. Отрок. 26. Албания. 33. Нерва. 34. Нерон. 35. Исток. 36. Памир. 37. Осина. 38. Гашек. 39. Верди. 40. Вишня. 43. Душечка. 46. Караван. 47. Визитация. 48. Дистанция. 49. Лейка. 50. Мазут. 52. Титан. 53. Дакар. 59. Манёвр. 60. Хромит. 62. Анкета. 63. Фуксин. 66. Кедр. 67. Акын. 69. Айва. 70. Трюм.

В ПОДШЕФНОМ ГОСПИТАЛЕ. Работницы подшипникового завода, где директором тов. Лосев, — частые гости в госпитале, над которым шефствует завод. На снимке: учётчица ОТК Антонина Клюева пишет письмо под диктовку раненого старшины Бориса Козик.

Фото В. Мусинова.